

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 58 (765)

20 октября 1938 г., четверг

Цена 30 коп.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ — СОЛЬ ЗЕМЛИ
СОВЕТСКОЙ

Ленин, еще в ранней своей работе «Экономическое содержание народничества», разоблачая иллюзию русской интеллигенции о ее внеклассовости, указывал, что так называемая «бессословная» интеллигенция была интеллигенцией буржуазной.

Наиболее передовые представители русской интеллигенции прочно связывали свои судьбы с судьбами трудящихся масс. Однако в большинстве люди с университетским образованием представляли собой ту засоренную интеллигенцию, о которой говорил товарищ Сталин в докладе на VIII съезде Советов.

М. Горький назвал их дачниками. Отрванные от народа, они к тридцати годам забывали обо всех «увлечениях молодости» и со вкусом входили в безыдейную жизнь обывательщины. Капитализм давил интеллигенцию, убывая в ней творческие порывы, воспитывая ее по образу и подобию буржуазии, оглушая и развращая. Честные интеллигенты, мечтавшие о творчестве, о защите интересов науки и правды, чувствовали себя единичками, затерянными в океане тьмы, невежества, хамства и подхалимства. Психология этой части интеллигенции была гениально отражена в творчестве А. П. Чехова. Герои Чехова стыдливо были интеллигентами в безработной и нищей стране, в которой интеллигенция не могла существовать.

Советские писатели, принадлежавшие к передовому отряду советской интеллигенции, должны хорошо понимать важность тех процессов, которые происходят сейчас в миллионной массе советской интеллигенции. Изучение «Истории ВКП(б)», рассчитанной прежде всего на нашу интеллигенцию, означает огромный подъем ее идейной жизни. Это повлечет за собой и еще большее усиление идейного единства, сплоченности вокруг партии Ленина—Сталина.

Нельзя быть хорошим работником, хорошим специалистом в нашей стране, не живя постоянно интеллигентной идейной жизнью. И тем более нельзя быть советским писателем, не будучи активным участником яркой, напряженной, увлекательной идейной жизни советской интеллигенции. Советские писатели должны быть тем отрядом нашей интеллигенции, который активно живет всеми ее идейными интересами.

В нашей литературе достаточно отражается интеллектуальная жизнь страны и ее передовых людей. Нередко талантливые, полные мастера обнаруживают удивительную наивность в идеологических вопросах. Люди нашей страны иной раз испытывают чувство неловкости за писателя. Сложную, величественную современность невозможно отразить в художественных образах, если не стремиться быть «в вехом наравне» во всех вопросах, которые решают наша эпоха.

Формы работы по изучению энциклопедии марксизма-ленинизма — «Истории ВКП(б)» — должны соответствовать особенностям писательской работы. Самостоятельное изучение с хорошо поставленной консультацией сыграет очень большую роль. Важно, чтобы все мы, работники советской литературы, чувствовали себя передовым отрядом советской интеллигенции, чтобы мы жили всеми ее идейными интересами, чтобы мы все служили своим пером делу еще большего сплочения интеллигенции и всего народа вокруг великой партии Ленина — Сталина, героической борьбы которой проходит перед нами в монументальной документальной эпохе — «Истории ВКП(б)».

Старая интеллигенция жила в атмосфере взаимной гряды, конкуренции, о которой в таких изречениях и горьких стихах писал А. Блок:

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить, и работать,
Не зная извечной вражды!

Несомненно, что у нас существует еще и до сих пор неправильное отношение к интеллигенции, но с этими отряжками мажорщины, с этой дикостью и хулиганством вся страна ведет борьбу. Атмосфера, в которой живет наша интеллигенция, — это атмосфера радостного творческого труда, совместной дружеской борьбы за счастье людей, против всего того, что враждебно человеку.

Атмосфера высокой идейности и принципиальности характеризует всю жизнь нашей страны. Она характеризует и всю жизнь, всю работу советской интеллигенции. Буржуазия заинтересована в безыдейной интеллигенции, потому что из безыдей-

ных людей легко вербуются служащие, лакеи, беспринципные агенты, которых использует буржуазия для защиты своих «идей» средневековой реакции, мракобесия, кровавого изуверства. Растленные враги народа, продажные убийцы, троцкистско-бухаринские агенты фашистских разведок, спекулировали на теоретическом отставании наших кадров, вербовали безыдейных, легко поддающихся разложению, неустойчивых.

Вышедшая из печати «История ВКП(б)» является фактором гигантского повышения уровня идейной жизни нашей интеллигенции. Ее изучение требует большой и серьезной работы. Работы классиков марксизма, изучавшиеся ранее нередко без системы, в отрыве от истории, от практики, сейчас будут изучаться в тесной связи с историей великой партии, привлекшей народы СССР к социализму. Социалистическое изучение марксизма-ленинизма не может быть места. «Историческое», схематичное изучение требует лишь вступительную роль.

Товарищ Сталин учит нас не догматическому, а творческому марксизму. Мы должны уметь применять учение марксизма-ленинизма к своей повседневной работе. Советские писатели, принадлежавшие к передовому отряду советской интеллигенции, должны хорошо понимать важность тех процессов, которые происходят сейчас в миллионной массе советской интеллигенции. Изучение «Истории ВКП(б)», рассчитанной прежде всего на нашу интеллигенцию, означает огромный подъем ее идейной жизни. Это повлечет за собой и еще большее усиление идейного единства, сплоченности вокруг партии Ленина—Сталина.

Нельзя быть хорошим работником, хорошим специалистом в нашей стране, не живя постоянно интеллигентной идейной жизнью. И тем более нельзя быть советским писателем, не будучи активным участником яркой, напряженной, увлекательной идейной жизни советской интеллигенции. Советские писатели должны быть тем отрядом нашей интеллигенции, который активно живет всеми ее идейными интересами.

В нашей литературе достаточно отражается интеллектуальная жизнь страны и ее передовых людей. Нередко талантливые, полные мастера обнаруживают удивительную наивность в идеологических вопросах. Люди нашей страны иной раз испытывают чувство неловкости за писателя. Сложную, величественную современность невозможно отразить в художественных образах, если не стремиться быть «в вехом наравне» во всех вопросах, которые решают наша эпоха.

Формы работы по изучению энциклопедии марксизма-ленинизма — «Истории ВКП(б)» — должны соответствовать особенностям писательской работы. Самостоятельное изучение с хорошо поставленной консультацией сыграет очень большую роль.

Важно, чтобы все мы, работники советской литературы, чувствовали себя передовым отрядом советской интеллигенции, чтобы мы жили всеми ее идейными интересами, чтобы мы все служили своим пером делу еще большего сплочения интеллигенции и всего народа вокруг великой партии Ленина — Сталина, героической борьбы которой проходит перед нами в монументальной документальной эпохе — «Истории ВКП(б)».

Старая интеллигенция жила в атмосфере взаимной гряды, конкуренции, о которой в таких изречениях и горьких стихах писал А. Блок:

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить, и работать,
Не зная извечной вражды!

Несомненно, что у нас существует еще и до сих пор неправильное отношение к интеллигенции, но с этими отряжками мажорщины, с этой дикостью и хулиганством вся страна ведет борьбу. Атмосфера, в которой живет наша интеллигенция, — это атмосфера радостного творческого труда, совместной дружеской борьбы за счастье людей, против всего того, что враждебно человеку.

Атмосфера высокой идейности и принципиальности характеризует всю жизнь нашей страны. Она характеризует и всю жизнь, всю работу советской интеллигенции. Буржуазия заинтересована в безыдейной интеллигенции, потому что из безыдей-

ных людей легко вербуются служащие, лакеи, беспринципные агенты, которых использует буржуазия для защиты своих «идей» средневековой реакции, мракобесия, кровавого изуверства. Растленные враги народа, продажные убийцы, троцкистско-бухаринские агенты фашистских разведок, спекулировали на теоретическом отставании наших кадров, вербовали безыдейных, легко поддающихся разложению, неустойчивых.

Вышедшая из печати «История ВКП(б)» является фактором гигантского повышения уровня идейной жизни нашей интеллигенции. Ее изучение требует большой и серьезной работы. Работы классиков марксизма, изучавшиеся ранее нередко без системы, в отрыве от истории, от практики, сейчас будут изучаться в тесной связи с историей великой партии, привлекшей народы СССР к социализму. Социалистическое изучение марксизма-ленинизма не может быть места. «Историческое», схематичное изучение требует лишь вступительную роль.

Товарищ Сталин учит нас не догматическому, а творческому марксизму. Мы должны уметь применять учение марксизма-ленинизма к своей повседневной работе. Советские писатели, принадлежавшие к передовому отряду советской интеллигенции, должны хорошо понимать важность тех процессов, которые происходят сейчас в миллионной массе советской интеллигенции. Изучение «Истории ВКП(б)», рассчитанной прежде всего на нашу интеллигенцию, означает огромный подъем ее идейной жизни. Это повлечет за собой и еще большее усиление идейного единства, сплоченности вокруг партии Ленина—Сталина.

Нельзя быть хорошим работником, хорошим специалистом в нашей стране, не живя постоянно интеллигентной идейной жизнью. И тем более нельзя быть советским писателем, не будучи активным участником яркой, напряженной, увлекательной идейной жизни советской интеллигенции. Советские писатели должны быть тем отрядом нашей интеллигенции, который активно живет всеми ее идейными интересами.

В нашей литературе достаточно отражается интеллектуальная жизнь страны и ее передовых людей. Нередко талантливые, полные мастера обнаруживают удивительную наивность в идеологических вопросах. Люди нашей страны иной раз испытывают чувство неловкости за писателя. Сложную, величественную современность невозможно отразить в художественных образах, если не стремиться быть «в вехом наравне» во всех вопросах, которые решают наша эпоха.

ПРИВЕТСТВИЕ БОЙЦОВ, ЛЕТЧИКОВ, ТЕХНИКОВ, КОМАНДИРОВ,
ПОЛИТРАБОТНИКОВ ЧАСТЕЙ ХАБАРОВСКОГО ГАРНИЗОНА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Москва, Кремль

Товарищу СТАЛИНУ

Мы, бойцы, летчики, техники, командиры, политработники частей Хабаровского гарнизона и члены их семей, собравшись на митинг встречи с героическим экипажем самолета «Родина» — Валентиной Гризодубовой, Полиной Осипенко и Мариной Расковой, шлем Вам, товарищ Сталин, всеми горячо любимому вождю, другу и учителю, пламенный красноармейский, большевистский привет!

Дорогой товарищ Сталин! Сегодня у нас, бойцов, летчиков, техников, командиров, политработников, членов их семей, огромная радость. Наши сердца переполнены торжества и ликования. Мы делимся с Вами своей радостью, встречая тех, кто беспримерным героическим подвигом еще раз упрочил славу и могущество нашей социалистической родины.

Героизм, отвага, бесстрашие, безграничная любовь и преданность сталинских питомцев нашей великой социалистической

родине вымывают у всех трудящихся Советского Союза законную гордость и восхищение. Их воспитала великая партия Ленина—Сталина. Народ, имеющий таких верных сынов и дочерей, непобедим.

Вам, наш родной отец, учитель и друг, обязаны мы радостной, счастливой жизнью. Завернем Вас, дорогой товарищ Сталин, что мы, бойцы, летчики, командиры, политработники, техники, воодушевленные героическим подвигом наших отважных летчиц — сталинских соколов — Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марины Расковой, с еще большим энтузиазмом будем бороться за отличную боевую и политическую подготовку и всегда готовы нанести сокрушительный удар фашистским поджигателям войны.

Да здравствует гордые соколы советской авиации!
Да здравствует великая партия Ленина—Сталина!
Да здравствует великий СТАЛИН!

Привет родине, привет Москве!..

Сегодня мы расстаемся с Дальневосточным краем. В дни пребывания на Дальнем Востоке мы неоднократно имели возможность лично убедиться в том, как крепки и недоступны наши границы, как мужественны и самоотверженны люди, их охраняющие!

Мы видели прекрасных, замечательных людей: летчиков, командиров, политработников и бойцов Красной Армии и Красногвардейского флота, колхозников, рабочих и трудовую интеллигенцию, беззаветно преданных делу партии Ленина—Сталина, готовых жизнью пожертвовать за лучшее светлое будущее всего человечества.

Мы возвращаемся в родную Москву. Нет слов, чтобы передать волнение, которое мы испытываем. Ведь через несколько дней мы будем там, в Москве, близко от того человека, кто вдохновил нас на этот перелет, кто, как отец, нежно заботился о нас, кто поднял на недосягаемую высоту горное слово «человек», — близко от товарища Сталина!

Могуча и велика наша дорогая родина!

Поклятая ветвистый край, мы говорим его замечательным жителям наше горячее спасибо за огромную заботу и внимание, которыми повседневно и ежечасно мы были здесь окружены.

На Дальнем Востоке мы не чувствовали себя гостями. Мы были в своей родной, дружной советской семье.

Прошайся с Дальним Востоком, мы пожелаем, что в любой момент, если понадобится, мы снова съезим на свои крылатые машины и опять вернемся сюда для выполнения любого задания партии и правительства.

Еще раз спасибо за ласку и заботу, товарищи дальневосточники!
До свидания!

Привет Родине!
Привет Москве!
ГРИЗДУБОВА, ОСИПЕНКО, РАСКОВА.
ХАБАРОВСК, 19 октября. (ТАСС.)

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭКИПАЖ САМОЛЕТА «РОДИНА»
ВЫЕХАЛ В МОСКВУ

ХАБАРОВСК, 19 октября. (Спецкорр. ТАСС). Сегодня трудящиеся Хабаровска провожали в Москву отважный экипаж самолета «Родина». Тысячи трудящихся города собрались на привокзальной площади, чтобы еще раз увидеть дорогие лица славных героинь, передать с ними привет родной Москве, товарищу Сталину.

Митинг открыл секретарь Брайкома ВКП(б) тов. Соболев. Он поздравил отважных летчиц счастливом возвращении в красную столицу и пролил их перелет горячий привет ленинско-сталинскому ЦК партии, правительству и товарищу Сталину от трудящихся и Краснознаменных Армий Дальнего Востока.

Большевистский Дальний Восток, — сказал тов. Соболев, — крепко, как никогда. Патриоты родины готовы в любую минуту мужественно защищать границы цветущего края.

От имени доблестного экипажа выступила тов. Полина Осипенко.

— Мы спешим в красную столицу, — говорит она, — чтобы положить партию, правительству и товарищу Сталину о выполнении порученного нам задания.

Сердечно благодарим трудящихся, бойцов, командиров и политработников, партийные организации Дальнего Востока за оказанную помощь, теплую встречу и прием. Мы передадим правительству и любимому Сталину, что трудящиеся Дальнего Востока крепко сплочены вокруг коммунистической партии, что непобедимые красноармейские полки, воздушный и военно-морской флот зорко охраняют советские границы. Если подлые фашистские стервятники еще раз попытаются напасть на нашу родину, то трудящиеся Дальнего Востока вместе со всем народом дадут им сокрушительный отпор.

Тов. Осипенко провозглашает здравицу в честь партии большевиков, товарища Сталина, непобедимой Красной армии, воздушного и военно-морского флота и маршала Советского Союза товарища Ворошилова.

Ударты колокола. 14 часов. Поезд тропила тов. Полина Осипенко.

— Мы спешим в красную столицу, — говорит она, — чтобы положить партию, правительству и товарищу Сталину о выполнении порученного нам задания.

Отважный экипаж самолета «Родина» выехал в Москву.

Новые переводы
из Т. Г. Шевченко

Три дороги

Три широкие дороги
Пролетим куда-то...
С Украины на чужбину
Шли-ушли три брата.

Мать покинула родную;
Тот жену покинул,
Тот — сестру, а самый младший —
Любашку-девичку.

Посадила мать-старуха
Три ясеня в поле,
А невестка — стройный тополь
На степном раздольи.

Три явора посадила
Сестра при долине,
А девчина молодая —
Красному калыну.

Ой, засохла та калина,

Яворы пропали.
Не поднялся стройный тополь,
Ясени завяли.

На идут назад три брата, —
Плачет мать родная,
Плачет нежна с малышами,
Долго проклинала.

А сестра искать уходит
Братьев на чужбину,
А девчину молодую
Кладут в домино.

На идут назад три брата,
По свету блуждают.
Три широкие дороги
Травой зарастают.

Перевод с украинского
М. ИСАКОВИЧ.

Доля

Ты не лукавила со мною;
Ты другом стала и сестрою
Мне бедному. Меня взяла
Ты за ребяческую руку
И в пьяному дьячку свела
И отдала ему в науку.
«Учись! Когда-нибудь, малыш,
И выйдешь в люди», — ты сказала.
А я послушался, глядишь —
И выучился, Ты солгала!

И зря! Куда уж в люди нам?
Но все же не лгали мы с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, доложуша моя,
О, друг мой бедный, нелукавый,
Пойдем все дальше: дальше — слава,
А слава — заповедь моя.

Перевод с украинского
МАРИИ КОМИССАРОВОЙ.

За пять дней

ОБСУЖДЕНИЕ ПЕРВОГО СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ В. В. МАЯКОВСКОГО

Тринадцатым дополнительным томом закончено издание первого посмертного собрания сочинений В. В. Маяковского. Ленинградский Институт литературы Академии наук СССР откликнулся на обращение, запечатанное в последнем томе, — высказать свои замечания об этом издании. Вышедшее собрание сочинений было обсуждено на заседании комиссии по изучению творчества Маяковского.

С выходом тринадцатого тома, — сказал в своем докладе А. Л. Дымшиц, — мы получили первое собрание сочинений крупнейшего поэта современности.

Несомненно, что коллектив, работавший над изданием, предал большую и плодотворную работу, но в этом издании допущено много больших и малых ошибок. Первое собрание сочинений Маяковского не имело четкого плана. Компоновка издания чрезвычайно хаотична: один том построен по хронологическому принципу, другие — по жанровому, третьи напоминают тематические сборники. Редакторы забыли включить в основные тома несколько известных стихотворений Маяковского и о них вспомнили лишь в дополнительном томе.

Печать небрежности лежит на всем издании. Эту небрежность на заседании в Институте литературы проиллюстрировали и грубыми опечатками в текстах (кто-то из редакторов уже поспешил перенести опечатки из полного собрания сочинений в новые однотомники и сборники Маяковского), и возмутительными прокусами абзацев в отдельных статьях, и произвольной строчкой, и негодным внешним оформлением (почему инициалы Маяковского и о них вспомнили лишь в дополнительном издании именного указателя).

В тринадцатом тому приложен лишь алфавитный указатель произведений. Читатель, желающий, например, позаниматься с высказываниями Маяковского о Хлебникове, должен искать нужную ему статью на букву «В», так как статья называется «В. В. Хлебников», если же читатель хочет прочесть статью Маяковского о А. Блоке, ему надо обратиться не к букве «Б», а к букве «В», а к букве «У» — «Умер Александр Блок».

Основные положения, высказанные А. Дымшицем, были единодушно поддержаны в прениях и, в частности, в выступлениях Б. Мейхаха, В. Орлова, О. Чехомарева и других. Ю. ИС.

Лауреат всесоюзного конкурса дирижеров Е. А. Мравинский, получивший первую премию.

КОНЦЕРТ ЛАУРЕАТОВ

Вчера в Большом зале Консерватории состоялся симфонический концерт, посвященный итогам первого всесоюзного конкурса дирижеров.

Под управлением лауреата Марка Павла (пятая премия) Государственный оркестр Союза ССР исполнил отрывок «Чума» из оперы Д. Кабалетского «Мастер из Фламси» и два танца из «Танцевальной сюиты» А. Хачатуряна.

Первое отделение закончил Натан Рахлин (третья премия), исполнивший симфоническую поему Листа «Тассо» и «Франческа да Римини» Чайковского.

Во втором отделении выступили К. Иванов (третья премия), сыгравший «Ромео и Джульетту» Чайковского, Е. Мравинский (первая премия), исполнивший «Прелюдию» Листа.

Концерт закончил А. Мелик-Пашаев (третья премия). В его программе было скерцо из 6-й симфонии Чайковского.

Сегодня в Комитете по делам искусств лауреатам будут вручены премии.

ПЕРВЫЙ
ДЕКАДИК
ПОЭТОВ

15 октября в Клубе писателей состоялась первая в этом сезоне творческая встреча поэтов. Читали свои новые произведения Н. Асеев, В. Инбер и М. Светлов.

Николай Асеев прочел 7-ю, 13-ю и 14-ю главы из поэмы о Маяковском, которые, как отметили выступавшие товарищи, являются большой победой поэта.

Вера Инбер читала три отрывка из своей поэмы «Путевой дневник» (главы «В Багдаде, на родине Маяковского», «Иду на почту» и «Мы завтра едем»). Как эти отрывки дают возможность сказать, что новая поэма — произведение большого диапазона, большой глубины, что в ней появляются новые для Веры Инбер интонации, умение много и хорошо видеть и как-то очень убедительно, художественно тонким и прозрачным стихом говорить о виденном. Лично мне больше всего нравится лирическая глава «Иду на почту» и, в значительной степени, глава о родине Маяковского. Обшая оценка прочитанных отрывков была очень положительная.

Начало новой, повидному автобиографической поэмы, прочел Михаил Светлов. Лиричность и теплота, мягкая, как бы случайная ирония, — все то, что любит читатель в стихах М. Светлова, отличает начало этой новой поэмы. Хочется только одного — чтобы она поскорей писалась, чтобы она стала новой удачей талантливого и любимого нами поэта.

Особенно поправилась прочитанная Светловым поэма из его новой поэмы. Это прекрасная студенческая поэма, такая, какой давно жаждала наша молодежь. Если к ней будет написана хорошая музыка, поэма эта безусловно станет одной из самых любимых.

Я думаю, что не ошибусь, если, подведя итоги, скажу, что первая творческая встреча поэтов прошла исключительно удачно. Как отметили выступавшие в обсуждении, чувствуется, что последний год не прошел зря для советских поэтов: написаны и пишутся больше и интересные вещи, товарищи не довольствуются уже достигнутыми успехами, находят новые творческие пути, новые значительные и важные темы. Это очень радостно и приятно.

М. АЛИГЕР.

В Московском клубе писателей

23 октября — первый клубный день. Он открылся в 3 ч. дня выставкой художника Натана Альтмана. На выставке будут показаны его новые работы и ранние его вещи.

Литературную часть клубного дня начнет (в 19 часов) К. Паустовский чтением своей новой повести, Н. Асеев прочтет главы из поэмы «Маяковский начинается». К. Фелин будет читать отрывки из новой повести о Давосе.

В музыкальной части программы клубного дня согласился принять участие Д. Шостакович.

Сегодня в Клубе писателей Н. Погодин прочтет свою новую пьесу «Паль Серебряный». Вступительное слово скажет заслуженный деятель искусств А. Л. Попов.

Завтра — вечер антифашистской немецкой литературы. Программа его начнется докладом А. Куреллы, после которого писатели И. Вехер, К. Блюм, Д. Лешингер

и Г. Циннер будут читать свои произведения на немецком языке. Переводы на русский язык и отрывки из произведений Г. Манна, Т. Манна, Л. Фейхтвангера, Ю. Гва и Э. Вайнера прочтут Л. Вайнер, лауреат всесоюзного конкурса чтецов В. Аксенов, артист студии им. Станиславского А. Аркадин и артистка Камерного театра Н. Гусева. В концерте участвуют лауреаты всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей М. Загуловский (скрипка), Н. Дорная (пение), Т. Гутман (орган) и заслуженный артист республики А. Н. Садовов (пение).

22 октября редакция журнала «Красная новь» приглашает писателей на творческий вечер Г. Шторма, который прочтет главы из книги по истории СССР. В этот же день в клубе — очередной декадник секции переводчиков.

25 октября — второй декадник секции поэтов.

26 — вечер памяти А. Г. Малыгина.

Награждение орденами СССР, медалями
«За отвагу» и «За боевые заслуги»

Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение специальных заданий правительства по укреплению оборонной мощи Советского Союза и за выдающиеся успехи и достижения в боевой, политической и технической подготовке соединений, подразделений и частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии и войск НКВД награждены 355 командиров, политработников, инженеров, техников и красноармейцев.

Орденом Ленина награждены капитан государственной безопасности М. И. Великий, капитан государственной безопасности С. И. Гаевский, лейтенант В. В. Ежельнов, старший лейтенант В. Ф. Калинин-Галдин, воентехник 2-го ранга А. Н. Меньшов, комбриг Н. Б. Норейко, капитан В. П. Филиппов, капитан И. М. Чупров и Т. И. Шевченко.

Орденом Красного Знамени награждены 44 человека. Среди них — комбриг М. К. Войтенков, полковники — А. И. Дутинский и В. В. Москвитин, майоры Я. С. Воробьев, С. И. Грачев, А. М. Кулик, А. А. Лучинский, С. П. Макаров, А. П. Мясков и М. М. Шаймуратов, капитаны И. Б. Жулин, А. В. Класовский, М. Е. Магер и М. В. Стародубцев, полковник комиссар

К. В. Брахнов, батальонные комиссары — М. А. Шерман и М. Д. Шаяхтин, красноармейцы — Айтказы Абиев, Камалбек Алимжанов, И. И. Гожа, А. С. Гурьев, И. К. Лученок, И. Е. Лысак.

Орденом Красной Звезды награждены 72 человека. В их числе полковники Г. М. Дюгов, А. Г. Ерохин, Ю. Л. Мусатов, майоры — А. А. Асейчев, Г. Д. Божко, И. Е. Глатоленков, капитаны — А. П. Блиннов, Н. М. Алянов, С. В. Зимин, Иосиф Иманов, М. Д. Борисов, Г. П. Боблов, С. С. Нестеров, А. Г. Теренин, И. М. Хорьков и П. А. Шибанов, старшие лейтенанты — С. Н. Афанасьев, В. Н. Вережкин, И. Т. Копылов, Ф. Т. Несмеянов, В. И. Сердюков, Н. С. Трутнев, красноармейцы И. С. Акпильгов, Альфред Белялов, Ф. С. Болгаренко, И. И. Дудник, Жумакан Ертаев, А. П. Журавлев, Шарип Иманов, С. Ф. Непильный, Абиль Нусупбаев, Куаныш Омаров, П. А. Пилипенко, Г. Г. Хлыстов, бригадный комиссар Мария Нестерова Коста, батальонные комиссары И. Н. Лазарев и П. А. Юхновец.

Медалью «За отвагу» награждены 62 человека и медалью «За боевые заслуги» — 168 человек. (ТАСС.)

БРЕВАНСКОМУ ТЕАТРУ РУССКОЙ ДРАМЫ ПРИСВОЕНО ИМЯ
К. С. СТАНИСЛАВСКОГО

БРЕВАН, 19 октября. (ТАСС). Президиум Верховного Совета Армянской ССР удостоил ходатайство коллектива Государственного русского драматического театра Армении о присвоении театру имени К. С. Станиславского.

Вчера театр открыл свой второй сезон пьесой Погодина «Паль серебряный». В репертуар включены также новые постановки. «Враги» М. Горького, «Смерть Паулина» Салтыкова-Штраува, «Последняя жертва» Островского и другие.

Фашизм — это война!

Разговоры о том, что фашизм принадлежит будущему — вздор. Фашизм назывался прожитым делом, и честные люди во всем мире должны стыдиться малейшего к нему соприкосновения. Предназначение к фашизму ни в какой мере не связано с возрастом; неслучайно, что старики обладают иммунитетом к этой инфекции, так как они люди другой эпохи и не могут «сидеть в ноге» с тем, что это свежее поколение молодежи является привлекательнейшим для фашизма. Кнут Гамсуна, например, уже очень старый человек, что не мешает ему быть ярким фашистом. Он не только агитирует за фашистскую партию у себя на родине, но в свое время вынул на себя сомнительную честь публичного надругательства над жертвой германского фашизма, всемирно известным пафистом Карлом Осенкием.

Но это вовсе не выходило из его сердца 1870 года, тогда писателя поколения 1870 года, творческая зрелость которого завершилась под влиянием Достоевского и Ницше. Отдав дань леберализму, он сделался ренегатом, не понимая духа времени и не замечая, что дела Гамсуна-политического деятеля или, вернее, Гамсуна-человека ложатся несмысленным пятном на репутацию Гамсуна-великого поэта. С другой стороны, не подлежит сомнению, что большинство, даже подавляющее большинство молодежи во всем мире — в Европе и также в Америке — не хочет и слышать о так называемых идеях фашизма и борется за диаметрально противоположные идеалы. Повидимому, подверженность фашистской заразе не имеет ничего общего с возрастом, это вопрос ума, характера, чувства реальности, гуманности, короче говоря, вопрос качеств, одинаково присущих как старикам, так и юношам, и отсюда никак нельзя притти к выводу о том, что фашизм принадлежит будущему.

В своей трескучей пропаганде фашисты изображают демократию беззубой, жалкой, немощной и нужной до тошноты старухой, а фашизм — лихим, жизнерадостным и подлинным надеждой юном. Большой мастер играть на человеческих слабостях, фашизм идет навстречу болезненной жажде перемен. Демократия должна парализовать усилия фашистских спекулянтов, заново открыв самое себя. Необходимо отбросить раз и навсегда всякую беспечность и безмятежность и воспользоваться этой, казалась бы, невероятной ситуацией, когда само существование демократии поставлено под вопрос, — для того, чтобы обновить себя и вернуться к новой жизни. Ведь жизненные силы демократии, ее запасы молодой энергии неисчерпаемы, тогда как зазор фашизма — сужоразная гримаса. Фашизм — дитя, и довольно уродливое дитя, своего времени, и все, что в нем есть молодого, он черпает из источника времени. Зато демократия не ограничена временем, общечеловечна, и в этом — огромный резервуар ее потенциальной молодости.

Было бы неправильно объяснять любой случай или политическим маневром тот факт огромного морального значения, что место великих и малых демократий — Англии, Америки, Чехословакии и т. д. занял Советский Союз. Когда дело идет о сохранении мира, интерес социализма и буржуазной демократии совпадают. Ибо сущность мира — во внутреннем развитии, в труде, взятном в самом широком и возвышенном смысле этого слова, в неустанной работе народов над своей судьбой.

Напротив, война — это нравственный маразм, грязная авантюра, трусливое бег-

ство от больших и неотложных задач мирового строительства, разрешимых лишь в мирное время. Может быть, я не осознаю опасности, которая мерещится буржуазно-капиталистической строю со стороны СССР, ведь я не капиталист. Но, насколько я понимаю, Советский Союз настолько не угрожает миру. Не СССР заставляет Европу через 20 лет после мировой войны отрываться от мирового строительства чудовищные средства на вооружение, а фашизм и его пресловутая «динамичность». В том, что мир не может обрести покой и процветание, повинен фашизм.

Фашизм — насильственный, направленный против своих соседей течения. Его оружие — не разум, а насилие. Его цель — не мир, а война.

Лояльное отношение к Германии существовало в то время, когда фашизм еще не пришел к власти и когда нужно было поддерживать миролюбивую Германскую республику и оберегать ее от фашизма. Лояльность к этой стране снова появилась после падения Гитлера. Но в наше время малейшая уступка притязаниям Германии является тяжким ударом по стремлениям к свободе и миру силам германского народа, ибо претензии Германии, выдвигаемые фашизмом, направлены исключительно к усилению военной мощи и к повышению своих шансов в будущей войне; следовательно, уступки фашизму служат не делу мира, а делу войны.

Демократия необходимо достигнуть эту истину. Она должна также понять, насколько выгодно для фашизма такое международное положение, когда терпящих границы между миром и войной, когда нет мира, но и нет настоящей войны, когда военные действия ведутся неофициально, без формального объявления войны, в отдельных районах и ограниченными средствами, ибо гигантский военный аппарат держит в запасе, — двусмысленная ситуация, изобретенная фашизмом и чрезвычайно удобная для него. Вполне вероятно, что он постарается как можно дольше сохранить эту ситуацию, предпочитая ее настоящей битвой открытой войне. Ибо такая война разоблачит всю ложь и обман, на которых покоятся «отсталые» государства, и при первом же поражении тирании неизбежно поднимет призывающие ее, разрушится к свободе силы. Поэтому фашизм боится войны, которую сам развязывает и врагов которой он бросает под топор палача. В сущности, он сам глубоко сомневается в том, что его противники «единство» выдержат испытание огнем войны, если она прольется хоть немного. Мы слышали претельскую речь одного высокопоставленного германского жандарма, говорившего о том, что в грядущую войну борьба будет идти на трех фронтах: на суше, в воздухе и внутри страны. Иное сказать нельзя. Фашизм открыто признал, что в случае войны ему придется прежде всего иметь дело с собственными народными массами. Он выхолостил свои сомнения в том, войдут ли за него эти массы в огонь и в воду, и свои опасения, что война внешне неизбежно должна превратиться в гражданскую войну. Неудивительно, что он предпочитает этому предприятию нечто среднее между войной и миром, состояние, изобретенное им самим и позволяющее ему еще упорнее осуществлять политику обмана и запугивания внутри страны и за рубежом, спекулируя на стремлении демократии к миру. Это тем более удобно, что дает возможность выматывать время, применяя излюбленную тактику фашизма, перед которой демократия почти совершенно бессильна, — надо прямо сказать, бессильна просто потому, что ее деликатное воспитание не позволяет ей ответить той же монетой.

НАКАНУНЕ СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ-АНТИФАШИСТОВ

В Нью-Йорке в ближайшие недели состоится сессия Международной ассоциации писателей в защиту культуры. Организацию сессии взяла на себя Лига американских писателей.

Со времени последней конференции лиги, пишет Уот Кармон в «Дейли уоркер», число членов ее увеличилось с 200 до 700. Вряд ли найдется в США сколько-нибудь значительный прогрессивный писатель, не являющийся членом лиги.

Недавно Теодор Драйвер, член лиги, вернулся из Испании, где он интервьюировал руководителей Испанской республики.

Одновременно с Драйвером был в Испании и Лэнгстон Хьюз, также член Лиги американских писателей. Предполагается публичные выступления Драйвера и Хьюза в защиту Испанской республики.

Эрлест Хамингуэй, заместитель председателя Лиги американских писателей, в течение почти двух лет посылал в американские газеты свои корреспонденции о борьбе испанского народа.

Произведения членов Лиги американских писателей стоят на первом месте в издательских планах всех крупных американских издательств.

«Как мы были японских самураев», изд-во «Молодая гвардия», 1938 г.

Литературная газета № 58

ПАМЯТИ ЛУ СИНЯ

Два года назад умер великий китайский писатель, непримиримый боец за национальное освобождение китайского народа, друг мира, друг Советского Союза — Лу Синь. Китайский народ и вместе с ним все передовое человечество с глубокой скорбью вспоминают об этой тяжелой утрате.

За эти два года произошло немало событий. Бейпинг, где начал свою литературную деятельность Лу Синь, где он читал лекции в университетах, находится в руках японских империалистов. Нанкин, где в молодости учился и работал Лу Синь, захвачен японцами. провинция Чэцзян — родина Лу Синя — разрушена японской военной силой. Шанхай, где Лу Синь прожил много лет, откуда до последних дней своей жизни он руководил революционной литературой Китая, превращен японскими хищниками в развалюхи.

Лу Синь был писателем-реалистом. В своих талантливых новеллах он разоблачал несправедливость, пролажность, жестокость и темноту старого общества. В его сатире, в его смехе звучали горечь и слезы. Он любил жизнь и людей. «Я начал писать повести для того, чтобы воспродать жизнь, а также чтобы помочь эту жизнь перестроить... Я хотел бы силой своих рассказов перестроить общество».

Лу Синь был и боевым публицистом. Им написаны многочисленные статьи, фельетоны, памфлеты. Лу Синь всю жизнь страстно боролся против лжи, трусости, оппортунизма, против двуличников и предателей. В прошлом буржуазный демократ, он примкнул к пролетарскому литературному движению, стал защитником идей подлинного гуманизма, вступил в единый антиимпериалистический фронт китайского народа. Чтобы «быть художником», — писал Лу Синь, — конечно, нужно владеть техникой искусства; но еще важнее обладать прогрессивной идеей и высоким человеческим достоинством». Одним из первых Лу Синь откликнулся на лозунг коммунистической партии Китая — «за единый антиимпериалистический фронт». Он бесстрашно разоблачал волюнтаризм китайских троцкистов и их роль как агентов японского империализма в Китае. Как автор «высокая теория», — писал Лу Синь в ответе на письмо китайского троцкиста Чена, — одобряет троцкизм, но не одобряет японизма. Говорит, что японцы снабжают вас деньгами для издания вашего журнала. Разве вы можете это опровергнуть? Это открытое письмо Лу Синя было опубликовано во многих китайских газетах и журналах и произвело на читателей сильнейшее впечатление.

Лу Синь был пламенным другом Советского Союза. Он неустанно разоблачал ложь и клевету, которую распространяли враги СССР. «Некоторые диспутационные люди», — писал Лу Синь, — уверяют, что СССР враждебен нам. Но я знаю одно: эти «интеллектуальные» люди сосут кровь Китая, захватывают китайские территории, убивают китайский народ и готовят к нападению на СССР. И именно из этого ясно, что СССР наш друг». «Враг империализма», — писал в другой статье Лу Синь, — это наш друг. Интересы нашего народа являются в полном противоречии к интересам империализма и их пайщиков. Мы за СССР! Мы должны уничтожить дьяволов, нападающих на СССР, как бы мелочливы ни были их речи».

Лу Синь высоко ценил и усиленно пропагандировал в Китае русских классиков и советскую литературу. В интервью с одним американским журналистом Лу Синь заявил: «Я чувствую, что русская литература и культура богаче, чем любая другая иностранная литература и культура. Между Китаем и Россией существует какая-то естественная связь, у них есть что-то общее... Русская литература переведена на китайский язык в гораздо большем количестве, чем литература других стран, и имеет очень большое влияние в Китае».

Сам Лу Синь переводил Гоголя («Мертвые души») в его переводе вышли уже пять изданий). Горького и других русских классиков. Он переводил также Фадеева, Серфимовича и двадцать рассказов других советских авторов. Вместе с 57 переводными китайскими писателями он послал телеграмму народам СССР, в которой говорилось: «Мы давно знаем, что только СССР является искренним другом угнетенных народов всего мира».

Выступил Лу Синь как коммунист, литератор Лу Синь переводил статьи Энгельса, Ленина, Плеханова по вопросам литературы и ис-

«Вот армянский народ, воплощенный в своем национальном эпосе «Сасунци Давид»».

куства и публицистические статьи Горького. После смерти Цюй Цюбо, казненного палачами китайского народа, Лу Синь бережно собрал его труды, отредактировал и издал в нескольких томах.

Литературные круги и вся общественность Китая называют Лу Синя китайским Горьким. Лу Синь был родоначальником новой революционной реалистической китайской литературы. «Если», — говорил Лу Синь, — люди хотят жить, то они должны уметь смеяться, смело смеяться, плакать, сердиться и драться... Ради своих убеждений люди жертвуют своими личными интересами, своей плотью и кровью, доводя до предела свои силы, своей кровью заливая и гася огонь. В этом блеске ножей и сверкании огня виден рассвет нового века».

Лу Синь был не только борцом за освобождение китайского народа, он боролся за мир, за освобождение всего человечества. Когда фашисты захватили власть в Германии, Лу Синь вместе с другими представителями культурных и общественных организаций Шанхая вручил немечному консулу протест против варварского похода фашизма на культуру. В 1933 году Лу Синь был организатором и активным участником антифашистской конференции. И когда испанский народ начал свою героическую борьбу против мятежников и итало-германской интервенции, Лу Синь выразил свое горячее восхищение испанским народом словами: «Вот, на Дальнем Западе и на Дальнем Востоке мы ведем одну и ту же борьбу».

Уже два года нет с нами великого писателя Лу Синя. Но его мужество и непримиримость в борьбе, боевой дух и горячая любовь к народу будут жить веками в сердце китайского народа, в сердце народов всего мира. И дело освобождения китайского народа от японских захватчиков, дело, за которое всю свою жизнь боролся Лу Синь, будет успешно завершено.

ЗМИ СЮ

Китайский «Международный комитет по увековечению памяти Лу Синя» (председателем которого является президент китайской Академии наук Цай Юнь-пай, а заместителем — Лу Синь) в состав которого входят советские писатели А. Фадеев и А. Серфимович, подготовил к печати полное 30-томное собрание сочинений Лу Синя. Сила волею его новеллы, стихотворения в прозе, фельетоны, памфлеты, юмор и сатира, публицистика, письма, народные сказки, а также литературоведческие работы и славянские Лу Синем переведены иностранными писателями, главным образом русскими классиками, советскими писателями и критиками.

Комитет по увековечению памяти Лу Синя выступит в этом году 20-томов, художественно оформленных, в кожаных переплетках с золотым обрезом.

В ленинградском отделении Гослитиздата готовится издание избранных произведений Лу Синя в переводе на русский язык под редакцией А. Фадеева и Эми Сью. Объем издания — 20 листов. В нее войдут основные художественные произведения Лу Синя.

«Сасунци Давид»

«Вот армянский народ, воплощенный в своем национальном эпосе «Сасунци Давид»».

Национальная культура армянского народа — одна из древнейших культур мира. О том высоком уровне развития, на каком она в течение многих веков стояла, свидетельствуют дошедшие до наших дней величайшие памятники материальной и духовной культуры Армении. Известно, что еще две тысячи лет назад в столицах Армении и при дворе армянского царя Тиграна Великого процветало театральное искусство. Замечательные песни готанских певцов (сасунов) пережили тысячелетия и не потеряли своей красоты до наших дней. Средневековая армянская лирика, по свидетельству Валерия Брюсова, «есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летописъ всего мира».

Главное место в армянском народном творчестве занимает эпос.

На протяжении всей своей истории армянский народ перенес тяжелейшие испытания. Не раз вступал он в неравную борьбу с захватчиками и не раз изгонял из пределов своей страны чужеземных завоевателей. И эта непрерывная борьба за независимость отразилась на всем характере армянской поэзии, наполнила ее героическим содержанием. Многие древнейшие памятники армянского народного творчества дошли до наших дней: «Рождение Ваагна», «Сражение Гайка и Бела», «Сказ о богатыре Торк Ангехе», «Гибель Артавазда», «Ара прекрасный и Самирамида» и др. Но самое выдающееся произведение армянской поэзии — это героический эпос «Сасунци Давид» («Давид Сасунский»), или «Сасунские храбрые», как называется оно в многочисленных вариантах, дошедших до наших дней.

Созданный народом, «Сасунци Давид» насыщена глубокой мудростью и простотой. Большая патристическая идея, воплощенная в художественных образах, великодушная стихотворная форма и популярный сюжет дают ей право на почетное место в мировой культуре.

Беспредельная храбрость, любовь и верность народу, своей родине — основные качества героя этого произведения. Вот почему эта прекрасная эпическая поэма дорога сердцу народа и пользуется такой популярностью в самых широких массах. «Сасунци Давид» была первоначально сложена в 40-х годах X столетия и относится к периоду арабского владычества в Армении, под гнетом которого на протяжении нескольких столетий томился армянский народ (VII—X вв.).

В борьбе против иностранных завоевателей сасунские крестьяне храбро отстаивали свою свободу и независимость. Вековая борьба сасунских крестьян и легла в основу эпоса «Сасунци Давид». Однако дошедшие до наших дней около 70 вариантов этой бессмертной поэмы говорят о том, что она была распространена не только в Сасуне, но и во всех районах Армении, в которых она и поныне является популярными эпизодами народного восстания.

«Сасунци Давид», в которой заключаются около 10 тысяч строк, состоит из четырех частей. В ней рассказывается о жизни и борьбе четырех поколений народных героев-богатырей.

В первой части повествуется, как дочь армянского царя Повинар, воплощенная женщины-героини, приносит себя в жертву, чтобы спасти свой народ от уничтожения. Она выходит замуж за невинного ей паря изолополонников, строя в горах город-крепость Сасун и отсюда возглавляя народную войну против царя изолополонников. Название Сасун происходит от слова Сасун или Сасу, что означает ярость, которой полны были армянские воины, владевшие этой крепостью.

Вторая часть эпоса посвящена сыну богатыря Санацара — Мгеру. Еще юношей он спасает народ от нападений мифического змея-великана. Через несколько лет Мгер илет войной на арабского калифа

Мелика Мсыра, под деспотической властью которого тогда находилась Армения.

После единоробства двух богатырей побежденный Мелик уходит со своими войсками из армянской земли.

Основная и самая интересная часть эпоса рассказывает о жизни и деятельности сына Мгера — Давида Сасунского.

Детские годы Давида, полные приключений, проходят при дворе арабского калифа (Мелика Мсыра), который после смерти Мгера снова завоевывает Армению. Семилетний Давид, спасаясь от козней Мелика, возвращается в Сасун.

Князья — родственники Давида — отдают мальчика в пастуха. Эта часть эпоса с исключительной художественной силой рисует скитания юноши-богатыря в горах Сасуна, его братание с пастухами и непосредственность его характера.

Общаясь с народом, Давид узнает, что Армения находится под игом арабского владычества. Это обстоятельство князья Сасуна тщательно скрывают от Давида.

Большая старушка рассказывает ему, что Мелик прислал послов и требует подати за семь лет.

Узнав о грозящем стране разорении, юноша Давид падает на сборщики податей. В завывающей схватке он разбивает их наголову. Мелик собирает рать и идет войной на Сасун.

Всей своей силой Давид обрушивается на войско калифа, громи и уничтожает врагов. Но он не хочет губить невинных людей, и когда старик араб обращается к Давиду со словами: «Ты зачем, Давид, убиваешь людей? У всех-то у них ведь матери есть, Стола Мсыр-Мелик нас силой привел. Боли ты удалец, поим с ним, повою!» (перевод В. Брюсова), — он направляется к шатру Мелика и вызывает его на единоборство. Все уловки Мелика ибегойти податка когачуются неудачей, и Давид уничтожает злого деспота.

Замечательны слова Давида, обращенные к войскам арабов после победы над ними: «Я не хочу чужого добра. — говорит он, — я и стремлюсь завоевывать чужие земли, вернуться в свои края и займаться честным трудом».

Здесь с предельной выразительностью показано миролюбие народа, никогда не преследовавшего завоевательных целей.

В дальнейшем развитии этой части эпоса о большой поэтической силой показана любовь Давида к красавице Хандут-Хатун. Герой обречен человеком глубоко чувствующим, озабоченным, нежным, с любящим сердцем. Преодолевая бесконечные трудности и победив сорок богатырей, Давид, наконец, женится на красавице Хандут-Хатун.

Четвертая и заключительная часть «Сасунци Давид» посвящена жизни сына Давида — Мгера младшего, который изображен в армянском эпосе двойником Прометея. Эта часть поэмы несет следы влияния и аллианской мифологии и иракского эпоса.

После смерти отца Мгер в поисках справедливости странствует по свету и видит всюду господство зла. Возвращаясь на родину, он восстает против установленных богом законов и призывает райков — крестьян — переделать этот мир. Бог, разгневанный дерзостью Мгера, заключает его вместе с лодилой в пещеру на высокой скале, откуда он сможет выйти только тогда, когда старый мир будет разрушен и заново построен.

Как мы видим, и в этой части эпоса судьба народа отождествлена с судьбой своего героя. Мгер — это сам народ, завоеванный в цепи векового рабства, освобождение от которого он видит в разрушении проклятого старого мира, мира социального неравенства и бесправия.

Так заканчивается эта бессмертная прозаическая поэма армянского народа.

«Сасунци Давид» выражает лучшие идеи передового человечества и поэтому является общенациональным достоянием.

День тысячелетия эпоса будет большим всенародным праздником не только армянского народа, но и народов всего Советского Союза.

Различные роды оружия участвовали в боях на озере Хасан. Но было здесь самое сильное оружие, которому ничего противопоставить, — сила большевистских, сталинских идей. Сборник показывает, как работали комсомолы.

Раздел «С именем Сталина» открывается статьей Е. Виноградова «Авангардная роль комсомолов в бою». Этими четырьмя словами проникнута, в сущности, вся книга.

«Никакая сила не в состоянии была удержать бойцов. По склоны склона неслись волжасы: «За товарища Сталина! За Сталинскую Конституцию! За советскую родину, за коммунизм — вперед!»

Лозунги возглавляли командиры, комсомолы, полторы и рядовые бойцы. Эти лозунги подымали людей на штурм высоты, они звали на подвиг, на героизм, на борьбу за честь советского народа, звали к победе над коварным врагом».

Так дрались советские патриоты. Так были битвы японские самураи.

В своем интересном предисловии к книге т. Косарев вспоминает слова Гоголя, вложенные им уста Тараса Бульбы: «Пусть же знают они все, что значит в русской земле товарищество. Вот если на то пошло, чтоб умарать, так никому из них не доведется так умарать! Никому! Никому! Нахватит у них мишени! Натурты их!»

Те советские патриоты, что стали жертвой японской провокации, знали — они умирали за счастье живущих. Ну, а самураи? За что погибли они? Недавно мы прочли в газете, что раненых японских солдат учат в госпитальных игра на «сыкухали» — японской флейте. Когда эти безногие и слепые поправятся, они смогут играть на этой флейте, собирать денежки на хлеб.

Не эта ли перспектива способна стимулировать героические поступки? Нет, настоящий героизм, массовый героизм возможен только в свободной стране. Ибо мы богаты мудростью, той, которую не продают теперь на европейских и азиатских рынках.

И. ГОРЕЛИК

КНИГА О ГЕРОИЗМЕ

Много лет тому назад Гоголь в письме к графине ...ой писал: «Еще пробьет предель к нам не за покупкой пеня и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках». Нужно ли говорить, что эти замечательные слова великого художника целиком оправдались.

В самом деле: мудростью больше не торгуют на европейских рынках. Подлость, ложь и трусость — вот ходкий товар, которым промышляют маленькие и большие буржуа и всевропейские городничье.

«Есть на свете Москва» — так говорят сейчас за рубежом пролетарии и честные интеллигенты, которым ближе всего мудрость, идущая от СССР. Эти люди понимают, что мудрость, которой мы богаты, по-настоящему освещает все дела человека, что она создает новый тип человека. Патриотизм, любовь к родине и народу, вера в торжество самых высоких идеалов выработывают в нем особый характер. Глубокая принципиальность, честность, мужество, бесстрашие — вот его черты.

Чтобы быть мужественным, чтобы быть храбрым, надо видеть смысл, ради которого стоит идти на любые жертвы.

Когда отважные страноводы Успенский, Федосеев и Васенко совершили свой подвиг, подымаясь на неизвестную высоту,

прокладывая двадцатикилометровую прямую от земли до неба, они знали, что рискуют жизнью. Но это был риск ученых во имя торжества самой передовой науки.

Есть ли профессия более опасная, нежели профессия летчика-испытателя? Первому ему принадлежит право проверить в воздухе, суждено ли машине жить. И наша страна — великая авиационная держава — воспитала такие кадры летчиков-испытателей, которые дали Валерию Чкалову, бесстрашного сталинского сокола, и многих других pilots, сокращающих пространство, сжимающих время. Наша страна вырастила женщин-героинь Гризодубову, Осипенко, Раскову... Эти подвиги совершаются потому, что есть великая идея, движущая всеми устремлениями советских людей.

Этого нет в лагере капитализма. Большой писатель, своим путем пришедший в лагерь антифашистских мастеров культуры — Хамингуэй сказал, что на Западе героические поступки лишены смысла. Действительно, как страшна судьба американского летчика Джими Коллинза. Не так давно вышла его книга. Она заслужено поддается успехом у советских читателей. Объяснение этого успеха можно искать в ее правдивости. Но какая это страшная правда. Труд Коллинза так тяжел и так в конечном итоге бессмысленен, что летчика все время не покидает мысль о смерти. Страшной и глупой. И Джими Коллинз даже написал, как произойдет его смерть. Как показало дальнейшее, смерть была именно такой, как ее предвещал летчик.

Или вот судьба женщины-летчицы Амелии Эрхарт. Она начала большой перелет, произошла авария, и летчица погибла. «Смысл» ее полета заключался в рекламе, в барышном деле. Барыши не прибавлялись, и до ее имени сейчас никому нет дела.

В нашей памяти до сих пор свежи замечательные слова, сказанные Михаилом Волюжновым сейчас же по возвращении с Северного полюса: «Меня спрашивали, когда я готовился к полету: «Как ты

полезешь на полюс и как ты там будешь сидеть? А вдруг сломается машина, — пешком-то далеко идти». Я говорю, что силу. Если подожаю, пешком не пойду, потому что у меня за спиной сила, мощь товарищ Сталин не бросит человека».

Эта мысль, собственно, всенародна. В имени Сталина, воле трудящихся, воплощена сила, мощь, воля всего народа, любовно пестуемого своих сыновей, следащего за каждым их шагом.

Когда-то на советских деньгах было написано, что они обеспечиваются всем достоянием республики. Успех каждого нового действия стахановцев, летчиков, ученых, работников искусств тоже обеспечивается всем достоянием республики.

Так, из-за того, что на Западе героические поступки лишены смысла, — их совершают только одиночки, безрасчетные смельчаки.

Так у нас героизм становится массовым, делом всего народа.

Невольно приходят эти мысли, когда читаешь только что выпущенную «Молодой гвардией» книгу «Как мы были японских самураев». В ней собраны документы, статьи журналистов и воспоминания участников боев на озере Хасан. Ключевое слово — земля на дальневосточной границе родного времени стоял в центре внимания мира. Мы помним историю этого конфликта, наглые и смешные угрозы японского дипломата применит силу и результаты переговоров, которые велись в Москве на языке дипломатического, а на высотах Безымянная и Заозерная — языком пулеметов, винтовок и бомб.

«Властность далеко, но ведь это горло нашеский», — писал Владимир Ильич. Озеро Хасан находится в 130 километрах от «нашенского» Владивостока. С большим нетерпением ждал советский народ подробностей о том, как были проучены самураи, посмевшиеся на нашу землю. Материалы, печатавшиеся в это время в газетах, и в частности статья капитана Стеженко, опубликованная в «Правде» (и включенная в этот сборник), давали некое представление о событиях в рай-

оне озера Хасан. Все эти умно и старательно подобранные материалы для сборника дали широкую картину массового героизма.

С напряженным интересом будет следить читатель за рассказами командиры отряда Шляхова, красноармейцев Лесника и Бигуса, встретивших первыми вместе с волею своими товарищами нападением целой японской роты. Одинадцать советских пограничников против 100—120 врагов! Пограничники дрались отчаянно, бой переходил в рукопашную схватку, и лишь после того, как пять из них пали смертью храбрых, а другие были ранены, им пришлось отступить.

Дальнейшие воспоминания и очерки повествуют о том, как через день после первой стычки японцы совершили новое нападение. Ценой огромных потерь они отступили наших пограничников. Читатель как бы видит эти ожесточенные схватки, он чувствует постепенное нарастание событий, он знает, что вот-вот приблизится роковая для самураев развязка.

6 августа — день годовщины Дальневосточного Краснознаменного фронта. С утра, как всегда, было туманно. Около полудня туман рассеялся. Вдруг загудела деска. Это шли наши самолеты. Вот один несёт, другой, третий, четвертый... их было много. В боевом строю они шли на противника.

Поднялись вверх столбы земли на безлюдных грешных занятых японцами сопках, взлетел обломки японских орудий, шепки разрушенных японских укреплений.

Как бы споря в мощности с разрывами авиабомб, затрещала наша артиллерия. Ее снаряды ложились в полосу японских позиций. Мощная артиллерийская подготовка слепила водно в авиабомбардировки. Как видно, не слабо чувствовали себя японцы, получая наши «гостинцы»! Вслед за бомбардировщиками включились в бой истребители. Пулеметным огнем они поливают японскую пехоту.

Пришла очередь для действий нашей пехоты. В сопровождении танков она ринулась в атаку через узкое пространство.

...Спустилась ночь. Бой не прекращался, но японцы начали сдавать. Еще нажима, еще раз бросок в атаку. С криками: «Ура! Да здравствует великий Сталин!» — бойцы стремятся вверх по крутым склонам сопки. Враг не выдержал — наша Заозерная (Чанкуйский) снова в наших руках!

На рассвете на Заозерной развевались красные знамена.

В этом описании боя чувствуешь силу и мощь советского оружия.

Отдельные заметки бойцов и командиров — «Меткие выстрелы снайперов» — рассказ красноармейца Медведева: «Штурм сопки Кузметовая» — воспоминание майора П. Солянова: «Мы штурмуем высоту Заозерную» — статья заместителя полкownika С. Глузера, как и все другие материалы, читаются с исключительным интересом.

Условные герои

Перед нами сборник произведений начинающих писателей Красноярского края. Нужно сказать со всей прямотой: в подавляющем большинстве молодые писатели заселили свой сборник фальшивыми персонажами. Основной порок в том, что герои произведений условны. В жизни их не встретилишь, но они в огромной численности водятся в литературе: во всех тех повестях и рассказах, которые собственно не повести и не рассказы, а только подобие их. В таких рассказах есть подобие действительности, подобие людей, подобие природы, подобие человеческих страстей и даже подобие мысли.

Все в них, как в жизни и как в искусстве. Нет только ни жизни, ни искусства. Откуда берется такая предположительная литература? По преимуществу ею заняты люди, лишённые таланта и живой любви к человеку, люди, ловко набившие себе руку на делании беллетристических структур. Им известны все «законы» ремесла: они знают, что такое закон торжества и что такое закон внезапности, и что такое закон раможиривания интриги, знают тысячи законов, неизвестных из добросовестным литературоведам, на больших мастерах прозы.

С другой стороны, подобные рассказы появляются в результате небрежного или просто неумелого труда. Именно начинающие писатели, зачастую одаренные, пишут такие рассказы по недостатку опыта и под влиянием лживо искусственной ремесленной литературы. Она тем и страшна, что зарывает талант. Делать ее легко, потому что она лишена плоти искусства, так что вышвы былые нитки, юбки спиты законы торжества и законы отлучения. К тому же она эффектна, вылизана, формалистически паряна и легко действует на неискушенный вкус.

Сборник молодых красноярских писателей составлен из произведений, в большинстве своем подражающих образам этой мещанской литературы.

Правдиво ли то, о чем повествует Е. Эсензон в своем рассказе «Две встречи»? Да, это могло случиться в жизни: учительница едет на работу в колхоз и в председателе колхоза узнает бывшего колхозника, который много лет назад надрался над ней, убил ее отца и брата; могло случиться в жизни и так, что колхозцев, боясь разоблачения, попытались утихомирить учительницу в бурных водах Енисея; и могло случиться, что учительница, плаывая лучше своего врага, собственными руками утопила его. Действительность знает много фактов, подобных этим. Однако рассказ производит впечатление антихудожественное. Правда его условна, это правда соседства с жизнью, но не правда жизни и, стало быть, не литературная правда. Рассказ не поднят до литературного обобщения и написан только для того, чтобы у читателя дух захватывало, чтобы у него началось сердцебиение, чтобы, захлопнув книгу, он побежал в аптеку за валерьянкой.

Из рассказа можно сделать только один вывод: девушка побеждает потому, что плавает лучше своего врага. За что девушка утопила колхозника? Опять-таки следуя рассказу, находим ответ: за то зло, которое он причинил ей в прошлом.

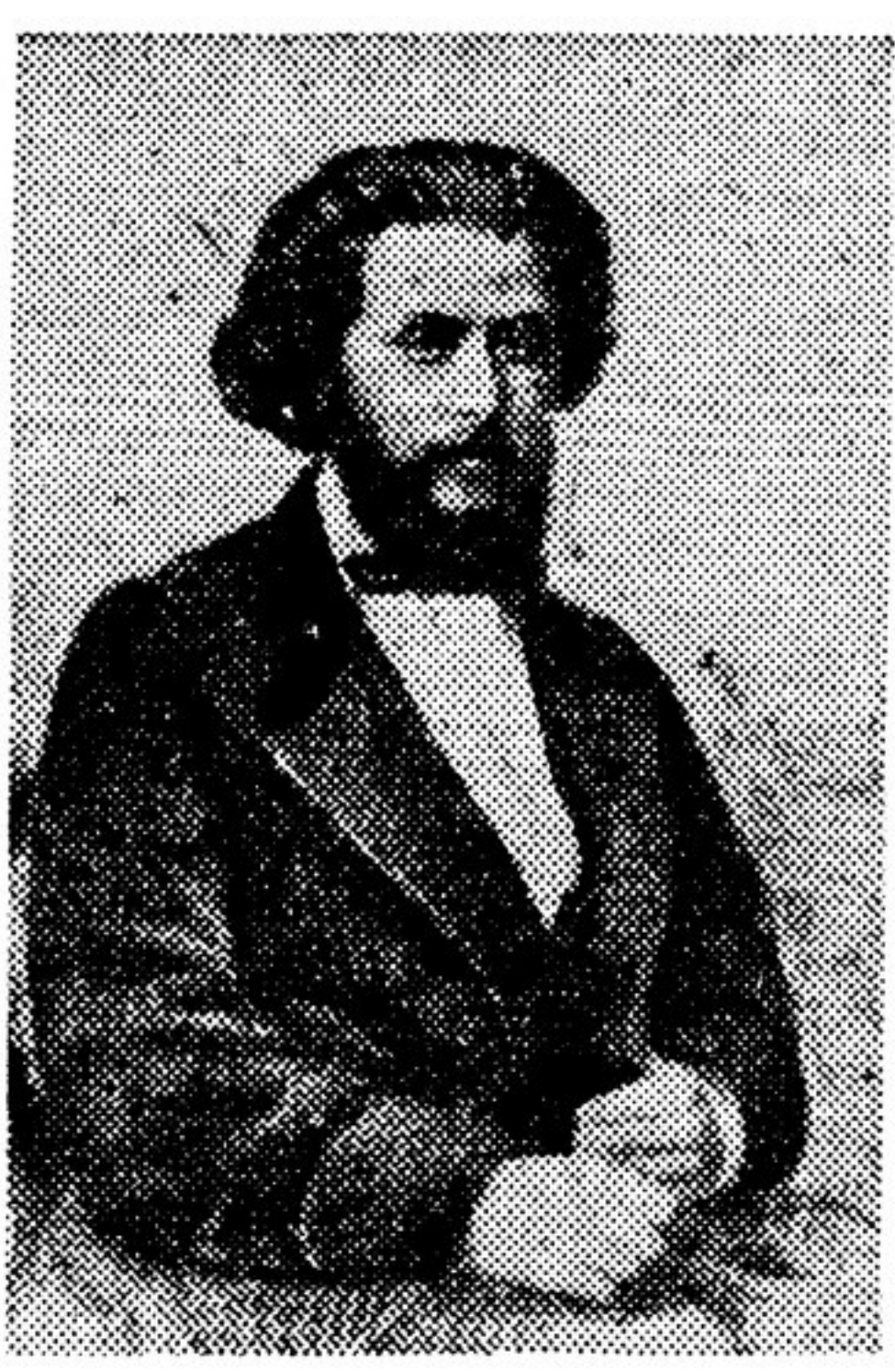
В передаче Эсензона мораль рассказа звучит так: «О, это высшее возмездие — не страдания и горе, какие причинило ей это двуличное, ловко маскирующееся животное. Он пытался показной добротой и преданностью людям скрыть свое уродливое вражье лицо. Теперь все ясно. Молчала, которую он ловко потрошил ей, стала его молотилой».

Однако советские девушки, все честные советские граждане повседневно побеждают диверсантов, классовых врагов, шпионов не только потому, что они физически сильнее, но потому, что победа советских людей неизбежна и обусловлена всем ходом исторического развития. Чтобы быть верным правде, писатель обязан так, и только так раскрывать факты действительности, т. е. стоять на высоте идей своей эпохи. Тов. Эсензон подошел к теме своего рассказа, как к эффектной эпипламе.

Сборник произведений начинающих писателей Красноярского края. Красноярское краевое государственное из-во. 1938 г.

Н. Г. ПОМЯЛОВСКИЙ

Исполнилось 75 лет со дня смерти крупнейшего русского писателя — демократа Н. Г. Помяловского. Он умер в возрасте 28 лет, не успев осуществить многих замечательных замыслов, которые могли бы преопределили последующее развитие русской литературы.

Чернышевский видел в нем «сильнейшего из нынешних поэтов-прозаиков». «Это был человек гоголевской и лермонтовской силы. Его потеря — великая потеря для русской поэзии — страшная, трагическая потеря», — писал он о Помяловском.

Не следует забывать, что вся литературная деятельность Помяловского укладывается в какое-нибудь пятилетие. И все же, несмотря на невысшие условия жизни детства и юности, несмотря на то, что короткая жизнь Помяловского была полна тяжелых испытаний, сложивших пол кипы его громадную силу воли и разносторонне талантливую натуру, он сумел оставить мало вещей, как «Мещанское счастье», «Молот» и непревзойденные «Очерки бурсы». Не говоря уже о других рассказах и очерках, не говоря о богатых замыслах, черновиках, набросках и планах.

Помяловский родился в 1835 году в бедной семье львовца клзбишевской перки на окраине Петербурга. Родители его, уроженцы в том, что он должен пойти по стопам отца, отдал его в духовное училище, в «бурсу», из которой он в 1851 году перешел в семинарию. Ровно половине своей жизни Помяловский провел в стенах бурсы, где парил дикая система воспитания, казачья мушкетерка, розги, жестокая борьба нравов, голод, холод и грязь. Достаточно сказать, что за 14 лет пребывания в бурсе Помяловский был вынужден четыре раза.

«Без ты стоишь, а начавшись говорит тебе, что ты сидишь, — звалась инспектор семинарии Мишина, — значит ты слышишь, а не стоишь». На этой формуле и покоился вся система бурского воспитания, архаичная Помяловским в «Очерках бурсы».

«Потанная бурса не дала нам никаких убеждений...» — говорил Помяловский. Выйдя из семинарии, будущий писатель читал по ложкойкам, пел в первом номере, давал уроки. Но его ум не дремал. Помяловский много читал, следил за текущей литературой, посещал лекции Петербургского университета. Больше всего ему давало чтение «Современника» — журнала, возглавлявшегося великим революционно-демократической литературы Некрасовым, Чернышевским и Добролюбовым. Помяловский писал позднее Чернышевскому, что читая «Современника» он «установил свое мировоззрение...». Не случайно, что именно в «Современнике» появилось первое крупное произведение Помяловского «Мещанское счастье», а вскоре и повесть «Молот».

«Мещанское счастье» и «Молот» были первыми произведениями той эпохи, главным героем которой был не дворянский интеллигент, а плебей-разночинец, сын слесаря Молотов. Созданием этих повестей Помяловский выдвинулся на первое место среди беллетристов-разночинцев 60-х годов.

В «Мещанском счастье» Помяловский хотел «разъяснить отношение плембе к барству». Произведения Помяловского мастера рисовала трагическую участь образованного пролетария, осознавшего себя врагом помещиков и дворян, порывавшего с этой средой, куда его случайно забросила судьба, но постепенно подавившего в себе духовные запросы и в конце концов примирившегося на «честной чичиковщине», т. е. на казенной службе. Тема повести — загубленная в условиях царской России жизнь разночинца.

М. Горький так характеризует смысл этих произведений: «Хорошие повести Помяловского о том, как революционер превращался в благополучного мещанина, неуловимы так же, как неуловимы роман Кушневского о «благополучном россиане» и повесть Степнова о «трудном времени», а эти авторы пронзительно изображали процесс превращения героя в лакея — процесс, который и в наше бурное время «имеет место в жизни».

Запрещение «Современника», арест Чернышевского и резкий правительственный поворот к реакции обили с толку Помяловского. Он не вошел в себе силы сопротивляться действительности: «Опротивела мне деизурная литература, опротивела даже бураской интрижке. Я еда хочу... Не будет леда, не найду его — буду пить мертвым поем».

И не найдя выхода, Помяловский топил «пустоту душевную в стакане водки», бесполодно распахивая свое зорькое.

Все же, незадолго до смерти он мечтал начать новую жизнь, «работать... работать!» смести «все старое к черту». Но болезнь положила конец его трагическому существованию, не позволив ему осуществить свои замыслы.

Надо сказать, что Помяловский проектировал создание кружка демократических писателей с целью изучения быта столичного пролетариата. В своем незаконченном романе «Брат и сестра» он хотел изобразить «требье и чернорабочую бедность на дне столицы». Вот, что писал он в своем вступлении к роману: «У нас есть огромный слой общества, цели масса людей, живущие особенно мало известном для нас называемом, образованного общества жизнью. — это бедный разряд разночинцев. Люди или нет? Знаете же, что это за существа, и разоблачите гниющую язву нашего — да, нашего — общества». Он хотел дать в романе «правду голую, неподдельную».

«Суровый реализм» Помяловского оказал большое влияние на великого пролетарского писателя М. Горького. В своих «Восесах о ремесле» Горький прямо указывает, что на его отношение к жизни «святили — каждый по-своему — три писателя: Помяловский, Глеб Успенский и Лесков».

«Возможно», — говорит Горький, — что Помяловский «связал» на меня слышишь Лескова и Успенского. Он первый решительно встал против старой дворянской литературной церкви, первый решительно указал литераторам на необходимость «изучать всех участников жизни» — нищих, пожарных, лавочников, бродяг и прочих».

Н. ГРЕЧАНИНОВ

Юбилейная книга «Молодой гвардии»

На днях выходит десятый номер журнала «Молодая гвардия», посвященный 20-летию ленинско-сталинского комсомола. Открывается журнал большой статьей М. И. Калининна «Славный путь комсомола». В отделе прозы три картины на перьях Алексея Толстого «Поход четырнадцатидесяти лет» и повесть М. Пришвина «Серая Сова».

В рассказах В. Авдеева «Казаки», И. Павленко и Букаева «Коница Петля» и в очерках участника боев у Хасана Леонида Антипова и полковника А. С. Пешакова показаны комсомол и советская молодежь на различных участках социалистического строительства и обороны родины.

В очерке А. Мельчина рассказывается о выдающемся деятеле Чечни комсомольце

Асламбеке Шерипове, погибшем в бою с белыми под станцией Водзвиевской в 1919 году.

Рассказ Хаджи Мурат Мугуева «Утро» посвящен героической китайской молодежи, борющейся с японскими самураями за независимость родины.

В отделе поэзии — стихотворения В. Луговского «Побеждай, молодежь», поэма В. Журавлева «Котвицкий», «Песня молодости» Вас. Лебедева-Кумача и поэма К. Симонова «Сереевич сон».

В отделе критики и искусства рассказывается о молодежи в литературе, живописи и музыке. О молодых художниках пишет художник А. М. Герасимов.

ПОВЕСТИ О ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Народы Дальнего Востока, своеобразная природа этого края неизменно привлекают к себе внимание Р. Фраермана. Он изучил их с добросовестностью ученого и изображает в своих произведениях с точностью этнографа, географа, ботаника, ихтиолога.

Мы встречаем у Фраермана в пейзаже и в характеристике быта гиляков, тунгусов такие подробности, которые доказывают, что Дальний Восток известен писателю не понаслышке, не из книг, и в то же время не из личных только впечатлений. Здесь, видимо, сочеталась и личное знакомство и серьезное изучение. Благодаря этому художественный элемент в произведениях Р. Фраермана сочетается с научно-популярно-разрешительным. Именно этим, по-видимому, следует объяснить, что Р. Фраермана принято зачислять в писатели для юношества: его книги кажутся как бы специально предназначенными для чтения подростков, чтобы в занимательной литературной форме расширить их кругозор, их познания о нашей родине. И действительно, краеведческий интерес произведений Р. Фраермана бесспорен. Однако художественный элемент в его повестях имеет не второстепенное, не вспомогательное значение, как это слышно и рядом бывает в литературе для юношества. Мы не склонны преувеличивать то, что Фраерманом, как художником, уже достигнуто. Образы людей в его рассказах и повестях большей частью двухмерны. Им нехватает глубины. Однако в каждой новой вещи Фраермана художественный элемент все яростнее начинает превалировать над краеведческим.

В этом можно убедиться, знакомясь с повестями о Дальнем Востоке в той последовательности, в какой они помещены в этом сборнике. Очевидно, эта последовательность размещения совпадает с хронологической очередностью их написания.

Рассказы «Нечестая Ан-Сенена», «Два снайпера», «Соболя» нельзя признать интересными. В первом из них образ Ан-Сенена — старого рыбака, колхозника, члена партии — неясен. Весьма трудно разглядеть внутреннее содержание этой фигуры.

«Два снайпера» — небольшой очерк о братьях-снайперах, которые, услышав от командира о выносивости японских солдат, хотят преодолеть их и совершить трудный 60-километровый переход, неся убитую мчи козулю. И опять образы людей очерчены кратко, схематично, лишены индивидуального своеобразия. В рассказе оказывается важным самый факт, вне которого образы не имеют своей жизни.

Точно так же фабула и отчасти описание природы доминируют в рассказе «Соболя», в котором старый партизан повествует, как он, не зная характера и обываче тунгусов, допустил ряд ошибок в своем поведении, был судим за это при участии самих тунгусов и оправдан.

Центр тяжести и этого рассказа заключен в приключениях партизана в характеристике природы и особенностей тунгусских охотников. Эти три рассказа действительно содержат необходимый для беллетристики художественный элемент в минимальных размерах.

Более интересен следующий, большой рассказ, где автор стремится глубже проникнуть в образы своих героев.

Рассказ «Поход» изображает героический переход партизанского отряда через тайгу. Но и здесь люди партизанского отряда обрисованы кратко и односторонне. Командир Небышев и командир Десюков не представляют особого интереса как личности. Мы видим их героическое поведение в непереходных условиях похода, но их внутренний мир и отношения с отрядом обрисованы пунктирно. И лишь одна фигура привлекает большее внимание писателя. Мы говорим об Олеше — молодом тунгусе, проводнике отряда. Его честность, знание тайги и ее суровых условий, неутомимость в походе, забота об отряде, преданность ему, — эти качества выступают в поступках и словах Олеша с достаточной убедительностью и вытекают. Мы видим, как ему постепенно сживается с отрядом, как ему внушают уважение упорство и настойчивость этих людей, отдавших перед труд-

Р. Фраерман. «Повести о Дальнем Востоке». Изд-во «Советский писатель», М. 1938 г.

ном походом половину своих запасов голодающим тунгусам. И когда, наконец, партизаны добралась до цели, и измученному отряду предлагают, не входя в горы, снова идти через тайгу в другое место, решение Олеша не расставаться с партизанами естественно завершает его образ.

Рассказ «Поход» еще не раскрывает всех возможностей Фраермана. Но для читателя уже в этой вещи много ценного. Прекрасно изображен, например, в «Походе» самый переход, его трудности и лишения. И уж, конечно, каждому запомнится надменный отрядом мертвый охотник, который явно летел на лыжах с горы в погоне за зверем, наткнулся на сук, пробиравший его тело насквозь, и так и остался на месте в меховой одежде, с лыжами, привязанными к ногам. Снег стоял, наступило леда, а мертвый охотник, повисший на сучу, все как будто читает, повесть за лобочей. Так и нашел его партизанский отряд.

Следующая вещь в сборнике, повесть «Васья-гиляк» — новый значительный этап в развитии писателя. Перед нами история бедняка — гиляцкого охотника, приключившегося к красным партизанам, прошедшего с ними трудные походы, вернувшегося затем в родное селение и организовавшего рыболовецкий колхоз.

Интерес этой повести Р. Фраермана уже не в фабуле и не в этнографическом колорите, а в том, что автору удалось сделать характер Васюк разноразличным в ходе событий. Налицо движение образа, причем очень трудного для художника.

Образ Васюк-гиляка придает особую ценность всей повести. Но и помимо него в ней много превосходных сцен и картин. Жизнь гиляцкого стойбища, праздник в нем, смена гонок на собаках, прекрасное описание бурана, боев с японцами и многое другое увлекает читателя. Если прибавить к этому, что Р. Фраерман во всех своих работах пишет простым, точным и легким языком, станет понятно, почему повесть «Васья-гиляк» производит столь сильное впечатление.

Однако и эта повесть — не предел возможности писателя. И в ней можно было уместить, хотя и в меньшей мере, тот же недостаток: перевес фабулы и этнографии над приключением в характере героя. В ряде сцен мы не видим переживаний и размышлений Васюк, а лишь голызнами о них. Их слишком мало. Хотелось, чтобы их было больше, хотелось еще ближе подойти к герою, познакомиться с ним, взглянуть в его душу, подружиться с ним, полюбить его. Ведь в этом главный смысл чтения — узнавать и понимать людей, описанных в книгах.

Лучшая вещь в сборнике — повесть «Шпион». Замечательный сюжет сочетается здесь с тонкой акварельной обрисовкой природы Дальнего Востока, его лесов и океана, а с глубоко разработанным образом мальчика Ти Суеви. Тут мы ни в чем не можем упрекнуть автора. Повесть написана лаконично, в ней нет ни одного лишнего слова. Она наполняется поэму по точности и поэтичности языка, по экономности художественных средств.

К сожалению, в лексиконе критики гораздо больше слов для порицания, чем для похвалы. Всегда хочется пригласить читателя попросту прочесть хорошее произведение, вместо того чтобы описывать его достоинства. Как передать предельно образно мальчика Ти Суеви и девочку Натки, как рассказать о их дружбе... Как рассказать о прогулках Ти Суеви по лесу, о его дружбе с пограничниками, о том, как он и Натка помогли им обнаружить и изловить шпиона, срывающегося под видом просяночного мальчика. Дело ведь не в фабуле, а в художественных образах, а когда они хороши, можно многое сказать по поводу их и о них, но нельзя заменить их пересказом.

Эту повесть — поэтическую, замечательную, внушающую любовь к Дальнему Востоку настолько, что хочется вместе с Наткой сказать: «Хорошо тут у вас жить, Ти Суеви!» — эту повесть мы просто посоветуем прочесть.

Автору же «Повестей о Дальнем Востоке» хочется указать в заключение, что развитие поэтического элемента и внимание к внутреннему миру своего героя Ти Суеви определило удачу в повести «Шпион».

РОМАН И ХРОНИКА

О критике у нас пишут нередко. Что же касается не критики, а критиков, то о них всего чаще пишут очень личные письма, которые почему-то адресуются в редакцию и почему-то называются «открытками».

Для того, чтобы заслужить не письмо в редакцию, а статью, критик должен написать роман.

Одну из критических работ А. Дерманна — «Творческий портрет Чехова» — читатель вспоминает, возвращаясь к ней, а это с сочинениями наших критиков встречается довольно редко. В книге автор разговаривал о литературе своим голосом.

Книга оказалась в ряду тех произведений, которые райновской критикой одобрялись мимолетно — за политическим отсутствием, в страшной торжественности скалок.

А теперь о книге А. Дерманна не пишут, потому что о критических новинках десятилетия давности писать у нас не принято.

Заранее приняв и на себя упрек, адресованный мною другим, я пишу о Дерманне-беллетристе, авторе романа-хроники «Дело об итумене Парфения»¹.

Кольцо ограниченный материал — немногочисленные казенные документы. Нужна была настойчивость исследователя, чтобы извлечь эти документы из старых архивов. Нужно было живое воображение, чтобы не только угадать судебное преступление, но и увидеть человеческую драму. И нужно было, наконец, то историческое приращение, без которого любой, самый благодарный материал кажется запятым и как бы истлевшим несмотря ни на какие беллетристические ухищрения.

В своем романе-хронике Дерманн обнаружил и добросовестность исследователя, и литературный дар, и страстное отношение к людям.

Многие наши исторические романисты проходят по материалу, как по уезвской жертичке, проложенной над пропастью: остроумная и одновременно торжественная.

Этой осторожной торжественности нет в романе Дерманна. Рассказывает он меланхолично и подробно, и в этом ощущаешь не растянутость, а полноту знаний.

Сосредоточив внимание на одном уголовном случае, на одном судебном процессе, Дерманн в то же время набрасывает широкую историческую картину. Очень выразительно вскрывает он все маленькие и большие дружки, привносящие в действие механизм царской юстиции. Трех ни в чем не повинных людей репают только потому, что эта казнь представляется выгольной царским администраторам. Одним — с точки зрения маленькой местной борьбы интересов, другим — с точки зрения высшей колониальной политики России, но и тем и другим бесспорно и прежде всего выгольной с точки зрения личного служебного преуспеяния.

В произведении Дерманна читатель находит целую галерею организаторов этого гнусного убийства — начиная от неправника и кончая статс-секретарем Валувым и самим Александром П. Это своеобразно сатирический альбом царской бюрократии середины прошлого века.

Ничего наши критики, берясь за беллетристику, избирают манеру самую пинную. Слово боясь, что читатель будет оспаривать их права художника, критики с неумеренной жадностью набрасываются на неумеренные рывки их запретных беллетристических слов, забывая о том, что как раз эта неумеренность больше всего и колеблет доверие читателя.

В своем романе-хронике Дерманн сохранил ценное в этом случае хладнокровие. Он остановился на деловой прозе.

Конечно, описания природы, когда автор непременно указывает, что именно находится справа и что именно слева, немного отдают протоколом. Но даже скучноватая сухость почта предпочтительнее блуждающей живописности.

К сожалению, нередко автор все же вспоминает о том, что «специальные» беллетристические приемы существуют и что они в романе необходимы.

Тогда Дерманн пишет о горах, которые «струбными массами резались на палеом небес», или о «ливне грозовых раскатов». Тогда он заставлял своих героев акцентировать на всевозможные лады. В хронике есть немец-учитель Редевер, французская мадам Ларье, татарин Сейдамет, натуралистично-домашняя речь которых попросту раздражает. Тем более, что и русские у Дерманна тоже все «акцентируют»: множеством словечек и поговорок Дерманн склонен заменять характеристику.

Обилие прозвищ — это тоже своего рода акцент. Нет у Дерманна почти ни одного персонажа, который не имел бы прозвища. Один персонаж носит прозвище Бублика. Другой — Черепаша. Третий — Безырыжков. Четвертый — Голубиного батьки. Пятый — Марфы-посадничья.

Сознания сам примитивность этого приема, Дерманн пытается свалить ответственность на своих героев: не он, а они сами дают эти прозвища.

В этом ощущаешь во воображении художника, а озабоченность литератора. Беллетристическое изложение перемежается пинтированием подлинных архивных документов. Сам по себе этот метод не может вызвать каких-либо принципиальных возражений. Но, к сожалению, очень часто документы предстают перед читателем несколько искусственно. Дерманн по самым различным поводам заставлял своих героев прочитывать вслух эти документы. Получаются натяжки. Так, например, один из документов прочитывается потому, что якобы автор этого документа — генерал Коцебу — желает узнать, как звучит на слух этот им самим сочиненный документ.

Можно было бы привести ряд погрешностей против вкуса. Мало автору сообщать, что одно из действующих лиц окружающие прозвали Марфы-посадничья, — ему еще хочется сообщить, что у татар это выходило: «Марфа-посадничья». Мало автору описать — действительно живо и остроумно — колебания губернатора относительно распределения подарков жена и любовница, — ему еще надо от себя воскликнуть: «долг спасовал перед сердцем!» и этим лишним восклицанием испортить удачно найденную деталь.

Автор сомневается в доверии читателя, он подчеркивает то, что в итоге подчеркивания не нуждается. И в итоге читатель сомневается в уверенности автора в самом себе.

Ведь искусство только начинается там, где кончается доказательство прав автора на его искусство.

Всегда кажется излишним, когда критик, говоря о каком-нибудь великом писателе, заявляет, что подражает ему нельзя.

Кажется это излишним потому, что едва ли найдется такой великий писатель, про которого критики решаются сказать, что подражать ему можно.

В своей недавно напечатанной в «Литературной газете» статье о Толстом Дерманн также написал, что подражать Толстому нельзя.

И сам же он, не опровергая своего утверждения, но во всяком случае нарушая его, в своем романе-хронике несомненно подражает Толстому.

Отль пространных авторских рассуждений о психологическом складе своих героев, губернатор Луговский, вагна, которую он принимает одеколоном, которым он обтирается, слуга, который при этом безмолвно присутствует, — все это, как и очень многие другие подробности, слышном явно напоминает о книгах Толстого, любимых им одним Дерманном.

Особенно винить в этом Дерманна не следует, ибо подражает он не холодно и расчетливо, а искренно и увлеченно. Может быть иногда не подражая Толстому, а вспоминая о нем.

Пожалуй, все это частности, хотя того рода частности, на которых должен останавливаться критик.

Самое же важное, что следует сказать о романе Дерманна, — это то, что роман остается истинно историческим документом, истинно историческим документом, истинно историческим документом, истинно историческим документом, истинно историческим документом.

Автор романа-биографии свободен лишь в выборе главного героя. Но, выбрав его, он уже имеет дело со множеством других людей, не всегда им внутренне почувствованных, но необходимых, действующих ему материалом.

В романе-хронике, построенном на фак-

те, а не на человеческом образе, писатель лишается возможности свободного выбора и одного своего главного героя.

Дерманн вдохновлял не герой, а исторический эпизод, заключенный в архивных документах, и притом в документах такого рода, которые очень жестко диктовали автору весь состав необходимых персонажей.

Читатель с большим интересом следит за развитием судебного дела, очень внимательно, осведомленно и умно раскрывает автором, — но полюбил читатель здесь некого.

Героем романа-хроники Дерманна мог бы быть тот, кто являлся главной жертвой царской юстиции — татарин Сейдамет.

Но в том-то и дело, что Дерманну близко историческое событие, но далеки его герои. Сейдамет оказался для Дерманна какой-то запретной зоной, в которую проникнуть ему, как художнику, не удалось.

Сейдамет остался персонажем хроники, но не героем романа. Здесь у Дерманна появляется та самая осторожность, которая свидетельствует не о сдержанности, а о недостаточной проникновенности.

Читатель мог бы полюбил если не героев, то авторское чувство, его отношение к историческим событиям — отношение в «Деле об итумене Парфения» очень странное. Однако одной страстности недостаточно. Нужна еще поэтическая сила, колорит, уничтожая различие между вымыслом и документом, стирает грань между романом и хроникой.

Автору удалось внушить симпатии к одним персонажам и безразличность к другим.

Жалко, что он не внушил к одним — любовь, а к другим — ненависть.

15 и 16 октября состоялась первая сессия редакционного совета Гослитиздата. На сессии присутствовали руководители союза советских писателей, члены редакционного совета, писатели и литературоведы. По докладу обсуждению на сессии подвергся тематический план Гослитиздата на 1939 г.

Содержание плана

С докладом о проекте тематического плана Гослитиздата на 1939 год выступил А. Лозовский.

— Предлагаемый план, — указал докладчик, — уже не тот первоначальный вариант, который был разработан в июле этого года. В него внесены поправки на основе выделенного через книжоторговые организации читательского спроса, он подвергся издательской и редакционной проверке. Отдельные части его обсуждались с заинтересованными писательскими группами; учитывалось читательское мнение, выраженное в читательских письмах, поступивших в Гослитиздат.

Однако и в нынешнем своем виде план далекий от идеала и нуждается в дальнейших существенных коррективах. Объявляется это прежде всего тем, что на план ляжет сложившийся в течение последних нескольких лет редакционный портфель.

План начинается с нового раздела — «Дешевой библиотеки».

Она должна охватить все лучшие произведения мировой и советской литературы, и тут должен быть особенно строгий коллективный отбор. Выпускал книги в серии «Дешевая библиотека» тиражом от 250 до 500 тыс. экземпляров. Гослитиздат тем самым рекомендует ее читателям, и это обязывает особенно тщательно проверять каждую книгу, внесенную в план «Дешевой библиотеки», с точки зрения ее художественной ценности и политической актуальности.

Со строгим мером нужно также подойти и к разделу классических произведений. Мы недавно провели проверку переводов Байзакя, Гете, Мопсассана и некоторых произведений Анатоля Франса. Качество этих переводов таково, что читатель вправе усомниться: да является ли данный писатель классиком?

Для нашей писательской общественности кровный интерес представляет раздел современной прозы. План намечает издание в Москве в 1939 году 192 произведений, в том числе 134 новых и 58 переизданий. В плане 1938 года было 146 изданий, из которых было только 72 новых и 74 переиздания. Если учесть еще, что и Ленинград имеет свою издательскую программу по современной прозе и что имеется еще целый ряд произведений, не учтенных планом, то в этом году мы имеем несомненный рост изданий нашей художественной литературы.

Потрясающий раздел плана также вырастает по сравнению с текущим годом: издается в издании 76 книг, в том числе 55 новых и 21 переиздание. Значительное число поэтических произведений будет печататься в будущем году в 10—15—20 тысяч экземпляров. Мы договорились с поэтами, что с будущего года мы ежегодно будем печатать сборники новых поэтических произведений. Право печататься в этом ежегоднике должно стать результатом поэтажного соревнования среди поэтов.

Сутубо ориентировочный характер носит раздел плана, посвященный творчеству народов СССР. Во-первых, в нем преобладают поэзия, точно на языке народов СССР не существует художественной прозы. Объявляется это преобладанием переводчиков — поэтов над прозаиками. К сожалению, до сих пор произведения наших национальных поэтов и прозаиков переводятся людьми, не знающими национального языка. В 1939 году нам предстоит издать несколько сборников национального эпоса и возобновить выход регулярно 4 раза в год альманаха «Творчество народов», инициатором которого был А. М. Горький.

Зияющим пробелом с точки зрения современной международной обстановки является полное отсутствие в разделе иностранной литературы книг о Японии и Китае только одной книги о Китае.

Каковы перспективы выполнения плана 1939 года? Отвечая на этот вопрос, А. Лозовский приводит следующую справку о хозяйственно-финансовом состоянии издательства.

Авансов по договорам выдано 1.187 тыс. руб., по рукописям, уже одобренным и находящимся в стадии доработки и завершения, выдано 2.318 тыс. руб. В разных стадиях производства — в наборе, полисане и печати и заматрировано — всего 433 книги на общую сумму 33,5 млн. руб.

— Гослитиздат, — говорит в заключении А. Лозовский, — получает огромное количество читательских писем. Читатель реагирует на каждую выходящую книгу. Отзывы эти свидетельствуют об огромном культурном росте нашего читателя и требуют от нас неизмеримо более вдумчивого подхода к каждой книге, чем сейчас.

Писатели и критики о плане

Первым в прениях выступил А. Тарасенков.

— Крупнейшие недочеты плана в том, — заявляет А. Тарасенков («Знамя»), что не предусмотрено окончание переходящих с года на год хаотически выпускаемых сборников сочинений классиков. В 1939 году останутся незаконченными собрания сочинений Байзакя, Гейне, Дидро, Шеллера, Шекспира, Франса, Гете (в собраниях сочинений Гете до сих пор не удалось издать «Фауста»). Гослитиздат должен завершить начатые и до него другими издательствами собрания сочинений классиков, темп работы по этому вопросу должен быть неизмеримо более вдумчивого подхода к каждой книге, чем сейчас.

Н. Асеев говорит об издании сочинений В. В. Маяковского в 1939 году. Утвержденная правительством редакционная комиссия будет работать над подготовкой нового полного собрания сочинений поэта и в основу его будет положен хронологический принцип. Но до этого необходимо из-

звать отдельные его произведения; сам Маяковский мечтал, чтобы его издавали «дождем листов и брошюр».

Нужно массовым тиражом выпустить поэмы «Ленин» и «Хорошо», «Стихи о советском пароходе» и отдельные сборники его оборонных и антипартизанских стихов. Редакционная комиссия считает также необходимым выпустить отдельные листовки стихотворения поэта подобно тому, как Мугапа выпускает песни.

Т. Ронотов («Интернациональная литература») резко критикует план и особенно его раздел современной иностранной литературы. В плане не нашли отражения исподволь в будущем году 150-летний юбилей французской буржуазной революции 1789 г. и откликнувшаяся в апреле прошлого года всемирная выставка в Нью-Йорке. Плохо представлен в плане крупнейший писатель США Энтон Свенкер, совершенно отсутствуют сложившиеся в Англии группа критиков-марксистов и так называемая группа оксфордских писателей.

В. Гриб в своей речи вносит ряд важных дополнений к плану. Он говорит о неопределенности равнодушии Гослитиздата, в отличие от других советских отраслевых издательств, к теоретическим вопросам. Необходимо включить в план 2-й и 3-й тома «Эстетика» Гегеля. «Критические способы суждения» Канта, «Философия искусства» Шеллинг и некоторые произведения Дидро. Переводы Гегеля и Шеллинга уже готовы и несколько лет лежат без движения в Союзиздате.

Удачно составлен в плане список собраний сочинений иностранных классиков, за исключением двух пропусков — Вальтера Скотта и Диккенса, но совершенно случаен список отдельных изданий. Из этого списка следует исключить Байзакя («Случай из частной жизни», Томаса Гуда, Лома, «Богена» Мюльке и за счет этого включить в план произведения большого художественной ценности, как «Мастисми» Ларошфуко, «Разрастание крестьянина» Реффё для Бретон, «Симплициус» Гриммельсгаузена, собрание повелел Келлера, «Р. Рендон» Сьюэлета, «Этикет» Мерелета и «Поэмы» Броунинга. Гослитиздат должен был выпустить серию классиков мировой поэзии — Вийон, Петрарка, Ронсар, Бернс, А. Шенье, Гете, Шмиллер, Гейне, Шелли, Вордсворт, Гюго и Верлен. Тем более, что имеющиеся переводы этих поэтов приобрели хорошую репутацию, а некоторые из них являются классическими.

Л. Лагин (Альманах «Гол XXI») анализирует причины отставания в современной советской литературе искусства повелю. Дело не только в том, что короткая новелла относительно хуже оплачивается, чем длинный роман, но в равнодушии критики к этому жанру и в том, что новеллистам не у кого учиться. У нас почти не издано мировых классиков новеллы. Такого замечательного новеллиста, как О. Гени, не издавали в течение многих лет. Незамысловато, но в книжном магазине Лермонтова Л. Дарюма, Марга Тьена. Почему не издают сборники фельетонов Мих. Кольцова?

А. Рыбасов (Ленинград), докладывая план Ленинградского отделения Гослитиздата, настаивает на предоставлении Ленинграду больших возможностей в издании переводов национальных поэтов и иностранных классиков. Ленинградцам не хватает в издании в 1939 г. 52 названия современной советской поэзии, из них только 6 переизданий.

Н. Зарьян (Армения) подчеркивает, что план издания переводов армянской литературы ограничен всего 4 именами — О. Туманяна, Н. Зарьяна, Г. Кочара и Сираца. Туманян — классик, а остальные современные писатели. Такой талантливый писатель, как Ст. Зарьян, — недавно закончивший второй том своего романа «История одной жизни», почему-то не включен в план. В план не попал и прекрасный прозаик, популярный старый писатель Мавелян, Армянские классики, и в том числе основоположник армянской литературы Хачатур Абовян, до сих пор не переведены на русский язык. Мало знают в Советском Союзе Чукача, между тем можно сказать без преувеличения что это гениальный лирик. Он очень бедно и плохо был представлен и в антологий армянской поэзии, вышедшей под редакцией В. Брюсова.

Тоненьким сборником издают сейчас Исаакьяна, о котором Влод говорил, что равного ему писателя не знает Европа. Почему до сих пор нет полного собрания сочинений национальных писателей и мыслителей?

Сейчас уже можно назвать талантливых и добросовестных переводчиков, которые делают большое дело. Это П. Антокольский, В. Пастернак, А. Глоба, М. Лозинский, Б. Державин и многие другие. Но отсюда не следует, что в области переводов все обстоит благополучно. Есть много переводчиков, которые ремесленно относятся к своему делу. Не боятся за него, не дерутся за свою строку. Русские переводчики национальных литератур делают поистине великое дело, они активно участвуют в создании социалистической культуры. Нужно постараться перевести на заслуженное им место и правильно вознаграждать его труд.

Б. Лавренев (Ленинград) указывает на запутанность плана и дробность его спецификаций. Это результат планирования отдельных секторов, заявки которых автоматически объединяются.

Переходя к существу плана, нельзя не выразить удивления, почему в разделе «русских классиков» отсутствует Вс. Гаршин, тем более, что полное собрание его сочинений можно уложить в 3 тома.

К изданию классиков нужно подходить с точки зрения потребности читателя и степени интереса к отдельным их произведениям. Если, например, «Исповедь» Руссо следует выпустить массовым тиражом, то «Эпопея» можно издать только для специалистов-литературоведов в тираже 300—400 экземпляров.

Совершенно недопустимо то, что пово-

ляет себе Гослитиздат по отношению к Горькому, запретила издание в 1939 г. «История моего детства» и «Идиллы». Разрывать ткань великих, сюжетно-заключенных эпических произведений — чистейшая бессмыслица.

Ив. Ле (Украина) протестует против того, что национальные писатели, литературное наследие которых вошло в фонд мировой классической литературы, как Шевченко, Франко, Туманян, Шолом-Алейхем и другие, фигурируют в разделе творчества народов СССР наряду с современными писателями. Это не технический вопрос, а политический. Но с этим связан и другой момент: изваяла классиков за счет бюджета лимита по разделу творчества народов СССР, сумев возможности издания современных национальных писателей.

Подбор современных украинских писателей, фигурирующих в плане, совершенно случайный. Из известных писателей-прозаиков Украины в плане представлен А. Голубок, но почему-то сборником новелл, а не вторым томом романа «Мать», над которым он сейчас работает.

Литературную общественность Украины поражает и то обстоятельство, что систематически, из года в год, Гослитиздат обходит украинских советских писателей, пишущих на русском языке, как Тардов, Северов, Охремко. Еврейская литература Украины представлена двумя именами — Гофштейном и Фейером. Правда, оба они принадлежат к числу лучших поэтов Украины, но ими отнюдь не ограничивается список талантливых еврейских писателей республики.

О переводах и переводчиках

— Нельзя не присоединиться к выступившим представителям национальных литератур, — говорит Л. Соколов, — Раздел плана, посвященный творчеству народов СССР, явно неудовлетворителен. Возможности издания современных национальных писателей искусственно суживаются тем, что в этот раздел переносят издания, которые должны занимать место в разделе классиков.

Особенно план раздвинулся с казахской литературой, отведя ей всего 74 листа и из них 34 листа — на роман С. Муканова и 20 листа для антологии казахских поэтов. Необходимо предусмотреть в плане перевод Ахун Байзакя, одного из замечательных поэтов Казахстана, и издание казахских сказок. Сказки эти составляют часть казахского эпоса и отличаются замечательным своеобразием. Над переводом этих сказок работает большой поэтический коллектив, работа идет к концу и должна быть внесена в план.

Огромное значение приобретает сейчас вопрос о кадрах переводчиков с языков народов СССР. Совершенно неправильно, что до сих пор в общественном литературном мнении укоренилось отношение к переводчикам как к писателям второго сорта. Надо всеми средствами — через печать и содействующей издательской практикой — поднять значение переводчика-поэта, но катастрофически плохо обстоит дело с переводчиками прозы. Их почти нет.

Национальная комиссия писателей ставит перед правительством союзных республик вопрос о подготовке кадров переводчиков в широком масштабе. Нужно любовно растить эти кадры в вузах, в литературных организациях и т. д. Сейчас же нужно организовать сотрудничество людей, знающих национальные языки, и русских писателей, знакомых с культурой и бытом этих народов для совместной работы над переводами их произведений.

В плане Гослитиздата, в части издания ленинградских поэтов, снова приходится иметь дело с осужденной, казалась бы, практикой пятиязычных тиражей. Из 22 ленинградских поэтов, включенных в план, только одному — Прокофьеву — дается десятиязычный тираж. Среди этих имен есть некоторые слабые поэты, которые могут печататься в журналах, произведения их могут исполняться на эстраде, но они не имеют еще права на отдельное издание своих стихов.

В прениях выступил также гг. Б. Песин и М. Аллетин.

На заседании 16 октября продолжалось обсуждение тематического плана Гослитиздата на 1939 год. Выступающие руководители секторов: гг. А. Савельева (сектор иностранных классиков), З. Гильдина (сектор современной иностранной литературы) и Г. Воинов (сектор литературы народов СССР) сообщили о проектируемых ими работах в плане.

Сображениями по поводу плана выступил также Е. Стасова, А. Ступинкер, Н. Чуковский, Ш. Сосян.

П. Броня говорит: — С большим удовлетворением и радостью мы приняли факт выпуска «Дешевой библиотеки» и издание в этой библиотеке наших поэтов Янко Купала и Якуба Коласа. Но в основном плане Гослитиздата белорусской литературе отведено крайне незначительное место. С большой радостью выступил А. А. Фадеев.

Богатства советской литературы

— Главная беда плана Гослитиздата и не только для нас, литераторов, но и для всей нашей страны, заключается в том, что объем его по сравнению с масштабами нашего Союза, с действительными потребностями народа, со стоящими перед нами задачами коммунистического воспитания очень мал. По имеющимся реальным ресурсам бумаги, мы расширить план не имеем возможности. Дело поэтому не в том, чтобы на редакционном совете выдвигать все новые и новые предложения, которые могут быть потрачены нашей литературной элитой. Нельзя подходить к плану метафизически, нужно проявить гибкость и чувство реальности.

Возьмем такой пример — желательнее, конечно, издать полное собрание сочинений В. Брюсова в двенадцати томах, чем быть страна зная все его творчество без изъятия. Но сейчас мы этого не можем себе позволить, и надо издать из произведений Брюсова то, что наиболее интересно и необходимо.

Некоторые резко ратовали за включение в план произведений Дениса Давыдова. Кто спорит — Денис Давыдов и хороший поэт, и партизан, но ведь, он был недоволен изданием.

Правильно поэтому поступили те члены редсовета, которые рассматривали план прежде всего с такой точки зрения — без чего в нем нельзя обойтись в свете задач коммунистического воспитания, понимания не вульгарно, а по-настоящему, в духе его речи на III съезде комсомола.

Совещание безусловно работало плодотворно, и сейчас нужно создать комиссию, которая на основе высказываний окончательно пересмотрит план, подойдет к своей задаче революционно, руководясь принципом необходимости. Комиссия должна будет четко сказать: какие-то издания у нас готовы, какие-то необходимо подготовить, какие-то надо выработать или добывать, а остальные, как бы оно ни было желательно, нужно перенести на следующий год.

В частности относительно издания иностранных классиков. Нужно ли тут изобретать или полагаться на собственные вкусы? Есть прекрасный каталог иностранных классиков, разработанный в свое время редакцией «Всемирной литературы» под руководством А. М. Горького и А. Блока. Каталог этот, составленный под руководством такого энциклопедически образованного человека, как Горький, нам безусловно поможет.

Комиссия, конечно, с этим делом, учтя накопившийся опыт, легко справиться. Но есть один момент, на который необходимо обратить особое внимание. В плане Гослитиздата проведено разделение: русские классики, иностранные классики и творчество народов СССР. Почему-то имена старых поэтов и писателей мирового значения, писавших на языках различных народов СССР, включены не в рубрику классиков, а в рубрику творчества народов СССР.

В 1939 году мы будем справлять юбилей армянского народного эпоса («Сасуни Давид»), и совершенно необходимо пропагандировать это замечательное произведение эпоса и сделать его достоянием всех народов СССР. Не выжилая, пока будет готов новый полный перевод, нужно издать старые переводы В. Брюсова и М. Лозинского, стремись в то же время, чтобы к юбилейным дням был издан полный перевод. Тысячелетний юбилей этого великого произведения будет праздновать вся страна.

В 1941 году предстоит юбилей великого классика азербайджанского народа Низами. Уже в следующем году должны быть выпущены в свет его произведения — это важнейшая культурная и политическая задача. Его произведения — это политическое открытие, стихи его шумительны и сказочно великолепны.

Мы должны подготовиться также к предстоящему в 1941 году юбилею узбекского классика Навои. Его избранные произведения нужно перевести и издать.

И. Бабель может рассказать, какую борьбу ему пришлось выдерживать в течение последних лет с безобразиями, которые творятся вокруг издания произведений еврейских классиков — Шолом-Алейхема и Менделей-Моихей Сирим. Пора прекратить, эту возню, наша обязанность — перевести этих классиков всему советскому народу.

Украинцы правы, когда обижаются, что «Кобзарь» числится в плане по серии «Творчество народов СССР». Шевченко — мировой поэт, мы должны издать его полностью и выпустить не мало книг о нем.

Пора оставить это барски-пренебрежительное, некультурное отношение к классикам народов СССР, выделение их из серии мировых классиков в качестве некоего дополнения к основному плану. Им нужно заниматься серьезно и систематически, издавать их из года в год, как и других классиков.

Меньше всего в прениях говорилось о современной советской литературе. Между тем этот раздел является самым дефективным в плане, и в настоящее время необходимо его пересмотреть. Пора понять, что советская литература существует более двадцати лет, что ею созданы книги, по которым воспитываются поколения людей. А в планах Гослитиздата из года в год в этом разделе фигурируют неизменные три, четыре фамилии счастливых, которых обычно не переиздают, и Гослитиздат считает, что тем самым он исчерпал свои обязательства по отношению к современной советской литературе.

Так нельзя обращаться с трудом десятков талантливых людей, книги которых изучаются в школах нашей страны. Мы обязаны переиздавать из года в год десятки книг советских писателей, правда, на основании самого тщательного и вдумчивого отбора.

Почему Гослитиздат забывает Сейфуллину, в 1941 году формировалось уже наше поколение участвовавшее в гражданской войне, и поколения более молодые?

Можно ли оправдать, что такое произведение К. Фелина, как «Горота и голы», не вошло в план? То же самое происходит с лучшими произведениями Всеволода Иванова, Новикова-Прибоя, Леонова и многих других хороших писателей. Терпеть этого нельзя. Даже при недостатке бумаженных ресурсов мы обязаны включать в план каждого года хорошие советские книжки.

тора—два месца, всего 150—200 рублей. На эти средства нельзя существовать. Нужно думать, что в связи с происходящим сейчас пересмотром авторского права положение это будет изменено.

А какое постоянное возмездное отношение у нас проявляется к умершим писателям! Со дня смерти ни разу не переиздавался тот Николай Полежаев, творчество которого сыграло большую роль в формировании наших поколений. Забыт Демьянов, автор «Матери». То же мы видим и в отношении Огнев. Это было даже в отношении Багрицкого. Об этом замечательном поэте мы вновь вспомнили только в самое последнее время. Нам приходится убеждать и доказывать, что стоит переиздать избранные вещи Боплошовой. Автор замечательной книги «Товарищи» Лебедев умер в безвестности, и даже некролога в газете не печатали. Мы недопустили мало и редко переиздаем Александра Грина.

Все упомянутые мной писатели не нуждаются ни в каких скипках, их произведения состояли неотъемлемую принадлежность культурного фонда нашей страны, их произведения живут и сейчас.

Большая вина лежит на Гослитиздате и правлении союза советских писателей и в отношении писателей национальных республик. Враги народа, провалявшиеся в свое время в руководстве национальных союзных писателей, нарочно затрели хороших писателей и вытискали плохих. Система эта еще окончательно не ликвидирована. Частое еще рекомендуют переводить того или иного писателя на русский язык, исходя из соображений, чтобы его не забыть. Это не большевистская точка зрения. Нужно издавать только хорошие произведения, которые имеются совершенно достаточно в литературе национальных республик.

Гослитиздат правильно поступил, если вместо альманаха создаст ежемесячный журнал «Творчество народов СССР» с участием и под редакцией крупных писателей разных национальностей. Такой журнал станет центром притяжения для лучших наших национальных писателей и воспитает необходимые кадры квалифицированных переводчиков. Это сыграет большую культурную роль, так как мы получим возможность познакомить миллионы трудящихся со всем богатством и замечательными достижениями советской литературы.

Гослитиздат правильно поступил, если вместо альманаха создаст ежемесячный журнал «Творчество народов СССР» с участием и под редакцией крупных писателей разных национальностей. Такой журнал станет центром притяжения для лучших наших национальных писателей и воспитает необходимые кадры квалифицированных переводчиков. Это сыграет большую культурную роль, так как мы получим возможность познакомить миллионы трудящихся со всем богатством и замечательными достижениями советской литературы.

Гослитиздат правильно поступил, если вместо альманаха создаст ежемесячный журнал «Творчество народов СССР» с участием и под редакцией крупных писателей разных национальностей. Такой журнал станет центром притяжения для лучших наших национальных писателей и воспитает необходимые кадры квалифицированных переводчиков. Это сыграет большую культурную роль, так как мы получим возможность познакомить миллионы трудящихся со всем богатством и замечательными достижениями советской литературы.

Вопросы литературоведения

Р. Григорян (Армения) указывает, что в планах Гослитиздата каждый год фигурирует один и те же имена. Антология поэзии Армении два года подряд фигурировала в планах «Академии» и преемственно перешла к Гослитиздату.

В плане Гослитиздата вы не увидите ни одного полного собрания сочинений национальных классиков. Между тем в литературе Украины, Грузии, Армении и Азербайджана можно найти много крупнейших имен, не уступающих европейским классикам.

Национальная литература никакого отражения не получила и в разделе критики и литературоведения. Мы бы рекомендовали издать отдельные сборники трудов С. Шаумяна и Сурена Спандаряна, лучших силнов большевистской партии, много сделавших в области марксистского литературоведения.

Ф. Левин («Литературный критик») подвергает обстоятельной критике раздел литературоведения. Пора, наконец, взяться за разработку проблем лежущих в литературоведении. Вопрос этот поднимался в совете писателей, но дело не двигается из-за отсутствия связи с Гослитиздатом, который в этом отношении должен сыграть организующую роль.

После издания «Истории ВКП(б)» мы имеем все возможности взяться на основании работ Ленина и Сталина за составление истории советской литературы. В «Истории ВКП(б)» дана летопись развития различных этапов истории революционного движения, дана яркая характеристика развития партии и революционного движения в связи с историей страны и тем самым создана база для написания истории советской литературы. Проблемы эти в плане отсутствуют.

План носит характер последующей регистрации некоторых авторских предложений, он не способствует мобилизации критиков и литературоведов на разрешение задач советской литературы.

Г. Уткин (Когла) говорит о необходимости резко увеличить тираж. Ту же жалобу на недостаточность тиражей передает М. Сербрянский от имени конференции библиотекарей и читателей, обсуждавших план Гослитиздата. Спрос на книгу настолько велик, что, например, на прочтении «Алны Карениной» ждут в библиотеках очереди по 7 месяцев.

Критика правильна

А. Лозовский в заключительном слове признает справедливую суровую критику структуры и содержания плана. В своем настоящем виде план представляет собой скорее обилие внутренних планов отдельных секторов, чем обшарпанная критический план государственного издательства.

Для переработки плана создана комиссия в составе гг. А. Лозовского, И. Бабеля, К. Фелина, Ф. Левина, В. Гриба, А. Дермана, А. Фадеева, М. Сербрянского, М. Аллетина, Р. Григоряна, Н. Чуковского, М. Зощенко, А. Савельевой, А. Рыбасова, П. Жгалава, Н. Асеева, Е. Стасовой, З. Гильдина и Г. Уткина.

Председателем редакционного совета избран А. Лозовский, заместителем председателя — И. Бабель.

27 октября МХАТ СССР им. Горького празднует сорокалетие своей давней деятельности.

В этот день в помещении театра состоится посвященный юбилею МХАТ торжественное заседание, которое закончится большим концертом.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ПРЕМЬЕРЫ

30 октября МХАТ СССР им. Горького даст премьеру «Гора от ума» А. С. Грибоедова в постановке В. И. Немировича-Данченко и Е. С. Телешова. Чапко играет В. И. Качалов, исполнявший эту роль 32 года назад, Фамусова — М. М. Тарханов, Софью — А. О. Степанова. Художник спектакля — В. В. Дмитриев.

31 октября МХАТ СССР им. Горького покажет вторую юбилейную постановку — пьесу А. М. Горького «Достигаев и другие». Спектакль поставлен Л. М. Леонидовым и И. М. Раевским. Василия Достигаева играет А. Н. Грибов, Рабиняна — Н. И. Дорохин, бородатого солдата — С. И. Калинин, Нестрашного — А. А. Андерс. В остальных ролях заняты В. Н. Попова (Глябара), А. П. Георгиевская, И. М. Куралиев и другие актеры МХАТ.

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА

23 октября в фойе МХАТ СССР им. Горького откроется юбилейная выставка, организованная музеем театра. Сорокалетний путь МХАТ будет показан в фотоснимках 30 его постановок — от «Царя Федора Иоанновича» А. К. Толстого до «Василия Достигаева» А. М. Горького. Первое представление «Царя Федора Иоанновича», как известно, состоялось в день открытия Художественного театра — 14 (27) октября 1898 года; премьеры пьесы А. М. Горького «Достигаев и другие» состоятся 31 октября.

На выставке будут развернуты интересные фотоматериалы, относящиеся к мхатовским постановкам А. П. Чехова («Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад»), А. М. Горького («Мещане», «На дне», «Горь Будачев», «Враги», «Достигаев и другие»), А. С. Грибоедова («Гора от ума»), Н. В. Гоголя («Ревизор» и инсценировка «Мертвых душ»), И. С. Тургенева («Месяц в деревне»), Л. Н. Толстого («Живой труп», инсценировка романов «Воскресенье» и «Анна Каренина»), Шеллера («Юлий Цезарь» и «Цыган»), Мольера («Мнимый больной»), Вольтера («Женитьба Фигаро») и т. д. Специальный раздел будет посвящен постановкам пьес советских драматургов — В. В. Иванова («Бронепоезд № 14—60»), К. А. Тренева («Любовь Яровая») и Н. Е. Вирта («Земля»).

«МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР В ИЛЛУСТРАЦИЯХ» И ДОКУМЕНТАХ 1898—1938

Под таким названием МХАТ СССР им. Горького выпустил прекрасно оформленную книгу, которая открывает стенограмму речи Н. А. Будягина от имени правительственного Совета СССР на похоронах К. С. Станиславского.

В книге помещены: статья Путь Художественного театра; статья П. А. Маркова «Сорок лет, 1898—1938». Летопись постановок театра «Репертуар и программы спектаклей за сорок лет с 1898 г. по 1938 г. включительно». Летопись содержит программы всех спектаклей, поставленных МХАТ, с указанием не только первого состава исполнителей, но и всех дублеров, введенных в спектакль за время его сценического существования, а также даты премьер; «Личный состав театра», «Сценический путь актеров и актрис основного состава труппы за 40 лет», статья Н. Д. Телешева «Музей Московского Художественного театра», «Материалы к библиографии о Московском Художественном театре». Особый интерес представляет большой раздел книги — «Документы из жизни и деятельности театра». Здесь опубликованы переписка К. С. Станиславского по труппе театра, отзывы постановщиков театра — Л. Н. Толстого, А. М. Горького и других.

Юбилейное издание иллюстрировано огромным количеством портретов основателей театра и актеров, фотоснимками с мхатовских и актеров в ролях.

Тираж издания 3000 экземпляров. Цена в переплете 55 рублей.

«ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА»

Научно-исследовательский сектор Государственного музея А. С. Пушкина подготавливает большой труд — «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина».

Единственная существующая сейчас книга типа «Летописи» — это «Груды и оло» Пушкина», составленная Лернером около 30 лет назад. Второе и последнее ее издание вышло в 1910 году. В работе Лернера восторженно использован автором в то время, и не отражены крупнейшие политические и общественные события и явления эпохи. Война 1812 года, Третьякая война, декабристы, французская революция — все эти события, имеющие громадное влияние на мировоззрение и творчество поэта, остались вне поля зрения Лернера. Надо ли говорить о том, что за тридцать лет появилось множество новых материалов, найденных и в частных коллекциях и в государственных архивах, недоступных в то время для пушкиноведов.

Новая «Летопись жизни и творчества Пушкина» составит, вероятно, около 100 листов. Первоначально «Летопись» будет представлена в виде графологизированной картотеки, где будет хронологизировано все, что вышло из-под пера Пушкина, латы опубликования его произведений, все, что было написано о Пушкине при жизни поэта, начиная с отдельных статей (как известно, при жизни Пушкина не было издано ни одной книги о нем). Картотека позволит вспомнить современников, отзывы и упоминания в дневниках и переписке, официальных документах, в частности полнотекстовые. Наконец, на основе изучения писем и дневниковых записей Пушкина будет включено отсутствующее в труде Лернера латы общественно-политических событий, отраженных на взглядах и в творчестве поэта.

С докладом о «Летописи жизни и творчества Пушкина» выступил на днях М. А. Пявловский на заседании Пушкинского секция Института мировой литературы имени А. М. Горького. Решено создать комиссию в составе М. А. Пявловского, Н. С. Алтуханова, У. Р. Фохта, С. М. Бонди, Н. В. Измайлова и Е. Э. Лейтнера, которой поручено образовать инструкцию по составлению картотеки.

ОБСУЖДЕНИЕ УЧЕБНИКА

Кафедра истории русской литературы ИФЛИП организует обсуждение учебника А. Г. Пейтлина «История русской литературы XIX века (часть I)», подготовленного и печат. Училищным. Открытое заседание кафедры состоится 28 октября в 6 ч. вечера в помещении ИФЛИП.

Разговор о поэзии

(ИЗ КНИГИ РАССКАЗОВ О СУЛЕЙМАНЕ СТАЛЬСКОМ)

«Я не смею с тобой спорить, ты прав во всем, Сарраф».

Саиди

Сулейман сидит на пороге сабхи босиком, расстегнув ворот бешмета и по-стариковски поджав ноги. В руках он держит посох. Перед ним на глиняном полу сверкает жаркий квадрат солнца, мешая ему смотреть на собеседника.

— Ты пришел ко мне в гости, а затеваешь спор, — говорит он равнодушно. — И вчера и сегодня одно и то же, будто какой-нибудь доктор! Ты же поэт, ты должен понять. Уходит конь — остается зеленое поле; уходит герой — остается его слава. И не герой, и слава живого поэта — не слава героя. Она непостоянна, подобно костру, пламя которого надо все время поддерживать. Я еще жив, зачем ты навязываешь мне отдых? Оставь, Хас-Булат!

— Но поэт должен быть бережливым. Ты ведь болен!

— Поэт должен быть щедрым, как соловей. Я не болен!

— Но сердце не кремль, Сулейман. Нельзя беспрерывно высекать из него огонь.

— Слушай, Хас-Булат, я думаю иначе. Груз пережитого бродит в моем сердце, как черный виноград. Он закипает пеной, и если наклониться над ним, то даже запах его опьяняет голову и зажигает кровь. Этого достаточно тебе?

— Этого достаточно. Только виноград вель может в котле конопя перебродить, а пах выдыхается быстро, и обычно под старость в сердце человека оседает горький уксус. Я не понимаю, что тогда делает поэт?

— Поэт умирает, — говорит Сулейман обожено. — Почему ты разговариваешь со мной загадками? Ты же мне друг, а не враг, — сказал бы прямо; дескать, не пора ли тебе вовсе замолчать? На твоём месте другие давно, мол, валяются в углу, а ты все кружишься, старый жернов!

Сулейман неожиданно широко открывает глаза и, стукнув посохом об пол, громко добавляет:

— Скажи бы ты мне так, Хас-Булат, было бы лучше!

Он поднимается и, покинув порог, переходит в тень. Там он усаживается на красной ситовой подушке и некоторое время хмуро молчит.

— Ты думаешь, Хас-Булат, в моем сердце оседает уксус? — говорит он, наконец, глядя исподлобья, но уже миролюбиво. И, не застав ответить, тут же машет ладонью:

— На свете много чудес, и ты, конечно, всего не знаешь. Разные бывают поэты. Дождь одинаково орошает землю, но в пустыне не растут цветы.

— Пустыня мертва, Сулейман.

— Пустыня — это пустыня, юннат! Мертвое всегда холодно, а пустыня бывает горячей и горячими и полными жизни, змей, скорпионов, шакалов. Пустыня страшнее старости. Это болезнь, ржавчина, бесплодие души и выцветшие, как трутневые, чешуйчатые старость... Бывают разные поэты, как и поэты!

— Но молодость, как правило, плодотворна?

Сулейман отрицательно качает головой и задумывается, вешая посох за плечом коню на плечо.

— Ты слушаешь, Хас-Булат! Говорящий — сеет, слушающий — жнет. Ты слушаешь. Я рассказываю тебе, почему я не боюсь, что опустошится мое сердце, и почему я до сих пор не утомился. Молодость много значит, но она молодость еще ничего не значит. Ты помни: у настоящего поэта душа должна кипеть. Хорошие слова падают на высокие деревья, и их нужно выращивать. Поэт тот, кто многомыслит и много думает. Его любовь должна быть жаркой и обильной, как солнце летом (ветви сада цветут год солнцем!), его ненависть должна быть мощной и яростной, как река в грозу!

— Сарраф — оленщик драгоценностей.

Забятая опера

На премьере в Москве, в 1835 году, «Аскольдова могила» Верстовского имела шумный успех. Аллопоявились автору, певцам, оркестру, но самые горячие овации достались, пожалуй, на долю «декорационно-машинной части». Его завывали во времена Верстовского любимыми купеческой Москвы Пино и Броуа — изобретатели волшебных полетов, превращавшей и прочих театральные чудеса.

Тогда не каждый оперный певец знал ноты, и партии различались по слуху, «с голоса». Впрочем, театры на сцене Бального театра показывали маскировки, «живые картины», давали цыганские концерты. Однако «Аскольдова могила» возникла в легкомысленную эпоху опер-девушек, завоевала прочную славу, неуязвимую десятилетиями. Эта опера выдержала сотни представлений в Москве и Петербурге.

Незаром строгий критик А. Н. Серов высоко ценит талант Верстовского — современника великого Глинка. Дилетант Верстовскому, конечно, далеко до гениального отца русской оперы. Но в музыке автора «Аскольдова могила» есть такая полнокровная свежесть и простота, такая мелодическая ясность, идущая от народного искусства, что не зря в истории русской оперы имя Верстовского связано с именем Глинки.

В начале нынешнего века тускнеет слава «Аскольдовой могилы». Театры начинают забывать о ней.

После многолетнего перерыва в Колонном зале Дома союзов на днях была поставлена, в несколько сохранившем виде, «Аскольдова могила».

Сюжет ее — борьба русских дружин с чужеземными насилиниками. Это сюжет и музыка оперы, в лучших ее кусках, сохранили свой интерес и в наши дни.

Прекрасная мысль — хотя бы в концертном исполнении познакомить советского слушателя с забытой стиванной русской музыкальной прошлым. Можно приветствовать идею дать «Аскольдовую могила» на оркестровом фоне русских народных инструментов.

Балабайки, донцы, гусли, составляющие оркестр, — замечательные инструменты. Их музыкальная речь проста и любима народом.

Опера в концертном исполнении уже имеет у нас прочные традиции. Певцы-актеры в спектакле-концерте завоевали право на сценическую игру. Этот опыт никак не пропал у постановщиков оперы Верстовского. В «Аскольдовой могиле» солистов почему-то послали чинно в ряд. Почти все время они пребывают в полной неподвижности. Лишь во время своего «номер» солист подает некоторые признаки жизни. Этот «ораториальный» стиль исполнения никак не вяжется с народным и динамичным характером оперы.

Публика, заполнившая Колонный зал, с неутомимым интересом на оркестру, где хохотически сгрудились люди и пулы, хор и оркестр, тещ и солисты. Неужели не нашлось грамотного режиссера, который привнес бы этому бесформенному и нерешительному зрелищу сколько-нибудь сценический вид?

Концерт-спектакль открылся монотонным вступительным словом о Верстовском, которое почти в точности воспроизводило литературный текст программы. Неужто для характеристики самобытного таланта одного из первых русских композиторов не нашлось ни одного яркого слова, ни одной свежей мысли?

Чтец, который вел «спектакль», декламировал напыщенно и маверово. Под управлением дирижера П. Алексеева оркестр народных инструментов звучал сухохато, порою грубо. Злоупотребление ударными было по преимуществу основным «эффектом».

Постановка забытой оперы Верстовского в сопровождении Государственного оркестра народных инструментов могла стать значительным событием нашего музыкального сезона. К сожалению, этого не случилось.

Н. ИСАЧЕНКО

ПАМЯТИ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ

Смерть Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной причинит большое горе всем любящим русское искусство.

Поразительная литонания, голос Блюменталь-Тамариной до сих пор еще звучит в ухах каждого из нас. Правда ее искусство дополняла, завершала образ, созданный автором. Если этот автор был классик, — игра Блюменталь-Тамариной была, как говорится, канонической тексту. Если же образ был написан автором наспех и схематично, то и здесь талант артистки облекла в плоть и кровь даже поверхностную, даже схематичную роль.

Цельность ее характера, прелесть ее таланта были неповторимы и своеобразно прекрасны.

Сейчас ее товарищи-артисты с уважением и грустью вспоминают ее беспредельную верность высоким заветам русского драматического искусства, ее трогательную простоту в обращении и скромность в жизни.

Несколько дней назад, поздно ночью возвращаясь после спектакля, мы на улице Москвы-реки, она сказала своему спутнику:

— Какая красивая стала наша Москва. И, зная, как не хочется умирать...

Она знала Москву дореволюционную, она знала ее в годы голода и гражданской войны, когда на грузовиках и в развалюх ездил играть на окраины, в заводские клубы.

И она узнала Москву наших дней, новые театры, новые дома культуры, дворцы.

Москва знала и любила Блюменталь-Тамариной, ее чистейшую русскую речь и ее характерный говор. Москва и вся страна знали и любили свою народную артистку, одного из высокоуважаемых людей нашей родины.

Мария Михайловна была самой знаменитой представительницей артистической династии: сын ее Всеволод Блюменталь-Тамариин — достойный и талантливый представитель этой семьи. Велика его утрата, и мы скорбим вместе с ним.

Пусть же молодежь, молодая творческая сила нашего народа работает в советском театре так, чтобы мы могли сказать:

— Да, они достойны старшего поколения титанов нашего искусства.

Л. НИКУЛИН

Блюменталь-Тамариина

О Марии Михайловне будет написана большая книга.

О ней рассказано множество интересных фактов — знаменитых, веселых, трогательных... Дружеская, нежно-бережливая память развостроит гору драгоценных подробностей этой долгой, счастливой жизни. Но эта книга, эти рассказы не вернут в себя и тысячу долей тех чувств и воспоминаний, которые всколыхнули сейчас неумирающую нашу театральную, кинематографическую и радиослушательскую аудиторию.

Едва ли отыщется в нашей среде другая актриса, которая с таким же правом, как Мария Михайловна, могла бы обратиться к своей неисчислимой аудитории со словами: «Сыны мои, — в воздухе, на воде, в Москве, Казани, Владивостоке...» («Слава» Гусева).

Это слова советской матери. Это — голос любви и приказа, нежнейшей заботы и сурового долга. Это тот образ — неизбежно-душевный, близкий и светлый, который несла в своем творчестве советских лет Мария Михайловна.

И это первое, что сейчас хочется и нужно сказать об ушедшей от нас замечательной артистке.

Черты русской старухи из народа — чуть-чуть с грубоватой корявостью, но смысленной и душевной, — обозначались в Марии Михайловне с первых же сценических шагов.

Вот что пишет о ней в своих воспоминаниях Н. И. Синельников:

«... В 1894 году ко мне пришла миниатюрная молодая женщина — с желанием работать со мной в качестве актрисы на ролях старух».

— Почему старух? Вы — молодая женщина?

— Только старух.

— Я принял ее в труппу, и впоследствии действительно оказалось: «Старух, только старух»...

Сорок лет прошло с нашей первой встречи. После четырнадцати лет совместной работы жизнь нас разлучила, но я и теперь неустанно слежу за успехами моего дорогого друга, когда-то «старухи и только старухи», ныне — любимой «старухи» всего СССР — народной артистки Марии Михайловны Блюменталь-Тамариной...».

Мое личное сценическое знакомство с Марией Михайловной начинается в 1916 году в Московском драматическом театре — с пьесы Островского «Грех за беда на кого не живет». Мария Михайловна играла роль Янгинулной, я — Краснова.

Это был мой дебютный спектакль в Москве. Было, как волненье, волнительно и не по себе. Отношение ко мне в новой для меня труппе установилось, вообще говоря, довольно доброжелательное. Но совершенно неизбежная в этих случаях внимательная и критическая слежка за каждым шагом деботанта мало способствовала моему творческому самообладанию, хотя мысль моя «соглаталась» весьма успокоительно при этом заверяла меня, что «все очень хорошо ладится»...

Неожиданную и совершенно своеобразную моральную поддержку обрел я в лице Марии Михайловны, которая как раз для себя самой искала этой моральной поддержки у меня.

Роль Янгинулной ей удалась прекрасно. Это была парадельно тонкая и умозрительная игра. Удалое жеманство весьма переделкой действительности неожиданно сплеталось с коварством и злобностью почти классического «зловдея». Если роль Краснова возникла, как говорится, из замисла показать русского Отелло, то функция удалого Яго выпала на долю Янгинулной, обманутой в своих претензиях на «благородную» жизнь.

С очень хорошим ансамблем шла в том же театре «Касатка» Алексея Толстого. В этом спектакле, полном поэтизма музыкальной прелестью, «первый партия» с неизменным блеском вели Мария Михайловна и Ралия Живая, нетерпеливая, властная, с величольным дерзанием и азаром — тетка и бездельник, рафинированный горожанин — племянник.

Это был чудесный дуэт, насыщенный

мастерством и жизнью. Вспоминаешь и не веришь, что их — нет.

В Малом театре за пять лет Мария Михайловна сыграла восемь ролей. Это большая нагрузка. Если бы ролей было втрое, Мария Михайловна была бы счастлива. Appetit на роли — этот показатель творческой и жизненной силы — не покидал ее до последнего дня.

Среди сыгранных ролей этого периода роль Настасьи Панкратьевны Брусковой («В чужом пиру похмелье») работала в моих глазах и при моем режиссерском участии. Это была большая радость — наблюдать за ее творческим процессом, улавливать тонкие колебания сомнений и страха, поспевать в пугающую минуту на выручку, а полчаса и самому терпеть вместе с ней азарию.

Вспоминается она вообще довольно много. Но больше от мнительности, от глубокого развитого чувства ответственности, чем по существу. Работала она легко, нащупывая собственную дорожку сама и почти всегда без ошибок. Спешеческая память на текст, на планировку мизансцен была у нее твердая. А если случалось — собьется, то растеряется, как школьница, почти до слез.

Советская «мать», «бабушка», «старушка» — эта почтенная, чуть-чуть строгая сценическая характеристика облика почтенной артистки, равно как и ее профессиональная дисциплинированность, как и печать высокой моральности на всем ее жизненном пути, не должны рождать у нас впечатления, что это был какой-то «столб советости» или еще что-нибудь такое в этом роде. Огромным и неопределимым достоинством было именно то, что она была насквозь театральная, в лучшем значении этого слова. Театр играл в ее крови, рождая в ней ту живую непосредственность, эмоциональность, которые абсолютно несовместимы с провинциальными канонами и педантизмом. Она любила актерскую компанию за всеобщее и шуткой, любила острое слово, огненную шумность споров. Как она умела смеяться, веселиться! В шестидесят лет я видел ее на рассвете плывущей в образе испанской гитаны, и «старух» «номер», которому аллопояривала довольно избранная артистическая компания. Подбить ее после спектакля на каки-нибудь послесказки — ничего не стоило. Но вы оказались бы совершенно бесстыдно, если бы попытались втянуть ее в какую-нибудь бытовую «конъюнктуру» театра. У нее было на этот счет какое-то внутреннее чутье, какой-то иммунитет, который, казалось, был малейших ущемлений с ее стороны отстранял от нее все, что для нее, для ее театрального существа было ненужно и вредно.

Ее смех... Она смеялась часто, ждала и хотела смешного. И смеялась с таким оттенком «бабьего» смеха, раскатываясь и подхлывая себя ладонью по коленкам.

Из восьми сыгранных Марией Михайловной в Малом театре ролей четыре были классическими и четыре современными. Баланс, можно сказать, идеальный. Это равновесие определялось неолоидной тягой артистки творчески вживаться в современность. И это ей удавалось. Удалов блестяще, что подтверждается не только успехом ее художественных воплощений, но и всевозрастающим ее влиянием в общественном интересе.

Она — член Моссовета не пропускает его заседания, следит за его работой, ездит, хлопотет. Она — в гуще партийных интересов, она состоит в группе сочувствующих партийной организации Малого театра. Собранная актриса, производственные совещания, политучеба — она везде, она слушает, волнуется, спрашивает, ищет, агитирует...

О Марии Михайловне кто-то сказал: она не умрет — она погаснет. Дуэт резкий ветерок — и ее не станет.

Ее творческая неутомимость, ее неутомимый бег к высотам жизни исключали, казалось, категорически отпала болезнь, страдания бессильного тела, агонию.

Так и случилось: страдания не было, дуэт везелый ветерок, и она утасла.

Народный артист РСФСР орденносец М. С. НАРОКОВ

А. МАЦКИН

УСТАРЕЛА ЛИ «НОРА»?

Несколько лет назад ленинградский театр им. Пушкина задумал поставить «Нору». Многие тогда это удивили. Зачем понадобилось вспоминать старомодную пьесу? Мы так основательно забыли Ибсена, что его «Нора» казалась нам устаревшей и наивной. Но вот «Нору» показали в Ленинграде, потом в Горьком, недавно состоялась премьера в Первом московском рабочем театре, и скоро Нору будет играть Глициникова в театре Ленинского комсомола. Началось всеобщее увлечение «Норой», и критик Я. Гринвальд уже написал о постановке Первого московского рабочего театра как о величайшем культурном событии сезона. Очень хорошо, что знаменитая пьеса Ибсена появилась на нашей сцене, но многое изменилось со времени ее первых триумфов, многое в «Норе» отжило, многое получило новый смысл.

В наших литературных кругах теперь гордо спорят о пьесе Пристли «Опасный поворот», недавно опубликованной в журнале «Интернациональная литература». Эта пьеса вызывает самые неожиданные ассоциации. Пристли сравнивают с Пираделло, с Чеховым и даже с Диккенсом. Во всех этих суждениях, возможно, есть доля правды. Пьеса Пристли, при всей ее кажущейся оригинальности, очень традиционна. И мы имеем все основания вести эту традицию от Ибсена и его «Норы». Вот бросающиеся в глаза черты сходства. «Опасный поворот», так же как и «Нора», всего только развязка, трагическое завершение чего-то определенного и происшедшего до начала пьесы. Главные события пьесы, и суть не в этих событиях, а в их последствиях.

Когда-то, вынужденная обстоятельствами, Нора совершила подлог, несколько не похвальной стени своей ответственности. В пьесе нет самого факта, излагается то, что произошло вслед за ним и предопределило судьбу «Куклоного дома».

Мартина в «Опасном повороте» так и не появляется на сцене. Человек, с именем которого связаны судьбы всех участников действия, умер за год до того рокового вечера, когда выяснились истинные причины его смерти и связанные с ней преступления и ложь.

Сходство между обеими пьесами усилится еще тем, что и у Пристли и у Ибсена драма разгравается в пределах одной комнаты, при очень небольшом количестве лиц и в очень недолгое время. Сопоставляя эти пьесы, можно сказать, что в «Норе» Ибсен и Пристли в заимствовании или плагиате. Литературные влияния в данном случае интересуют нас меньше всего. Сравнимая пьеса, мы начинаем больше ценить правду ибсеновской «Норы».

По существу, все содержание «Опасного поворота» вложено в одну реплику: «Мне кажется, говорить правду так же полезно, как врать поворачивать на крутом повороте при скорости в 60 миль в час». Современники Гамлетов спрашивают себя: «Говорить ли лгать? Вот в чем вопрос». Так говорит Стендон, самый преступный и в то же время самый человечный из героев Пристли.

Пристли, очевидно, считает, что в жизни есть два пути. Один обещает безмятежной покой, другой неминуемо ведет к катастрофе. Чтобы обрести безмятежность, нужно очень многое — зарыть правду, как дождь под сапоги, или, говоря иными словами, уйти в мир иллюзий и подпольного фариствства, скрывать настоящие чувства и соблюдать все освященные веками декорум буржуазной добродетельности. Стоит хоть немного задуматься над жизнью, вспомнить в близком, узнать его истинный характер, и уютная буржуазная гостинная превратится в сумасшедший дом, в камеру следователя, в паноптикум человеческих уродств. Такая истина — предельная штука. Лучше ее не знать. Когда она всплывает наружу, жить становится просто невыносимо. Пристли убеждает нас: вы хотите правды, вы выбираете второй путь, так знайте, что все эти элегантно и жизнеподобные женщины, все эти привлекательные и респектабельные мужчины — сборище подпольных и преступников. Игра с истиной оказывается опасной игрой. Не удивлено ли спрятаться за ложь, которая обеспечит покой и благополучие?

Как же поступает Пристли? Он приподнимает край занавеса, показывает нам безобразную истину и тут же задерживает занавес, снова говоря: от того, что люди будут знать, какими они на самом деле, ничего хорошего не получится. Не откажитесь вамшу правду. Избегайте крутых поворотов.

От появления «Норы» до «Опасного поворота» прошло более полвека. И несмотря на это пьеса Ибсена оказывается в какой-то степени той же проблемой правды и лжи, лжиانه нам, чем проблема современного Ибсена. Ибо поэт должен сделать выбор между иллюзией, покаянием на лжи, и беспощадным существованием человека, смотрящего правде в глаза. И он останавливается

на втором. Когда обнаружилось внутреннее ничтожество и пустота жизни «куклоного дома», но Горвальд еще не предстал во всем своем ужасе, была еще возможность спасти пошатнувшееся счастье четы Гельмер. Происходит объяснение между Фру Линде и частным поверенным Крогстадом, от которого фактически зависит участь Норы. Крогстад готов потребовать обратно посланное им Гельмеру письмо, в котором сообщается о подлоге, совершенном Норой ради спасения мужа. Фру Линде, однако, не соглашается с этим. Ее поступок всегда вызывала у зрителей недоумение. Почему? Дело в том, что Фру Линде, понимаемая обычно как второстепенное лицо драмы, в действительности словно выражает ее совесть. Она не скучная реферка, а много испытывавшая женщина, знающая истинную цену людям. Фру Линде достаточно было пробить у Гельмера несколько часов, чтобы она поняла всю призрачность их счастья, всю двусмысленность их существования. Верная подруга Норы, она совершает поступок, необъяснимый с точки зрения обязательной морали. Фру Линде не хочет «зарыть правду», она говорит: «Пусть Гельмер все узнает, пусть эта злополучная тайна вылетит из свет божий, пусть они, наконец, объяснятся между собой начистую. Невозможно, чтобы это так продолжалось... Эти вечные утайки, увертки».

Пятьдесят с лишним лет назад буржуазные моралисты поступали куда решительнее, чем сегодня. Они не пытались утаивать ни серьезных преступлений Мартина и Стендона, ни лжи «Куклоного дома». Как усовершенствовалась с тех пор механика обмана! Обнаруживается обратная сторона ибсеновского идеала буржуазной независимости. Наружу выплывают мещанин, продолжающий кричать о справедливости, но вынужденный признать несостоятельность своей морали и трусливо с этим мириться. Нравственная проповедь Ибсена была куда более искренней и недвусмысленной.

Но почему же Плеханов и Луначарский в своих статьях об Ибсене так осуждали его мораль? Они упрекали Ибсена в том, что он проповедует нравственное самосовершенствование, моральную жертву, морализм Канта. Мораль Ибсена топчется на месте, потому что она не переходит в политику, потому что она не ведет к изменению отношений людей в обществе. Эти упреки, обращенные к Ибсену — в действительности справедливы, и правды были те марксистские критики, которые называли его «мещанинским Пестелем». Но время изменило наше отношение к драматургии Генрика Ибсена. Мы не ищем в его пьесах ответа на волнующие нас со-

циальные проблемы; проповедничество писателя утратило для нас всякое значение. И если говорить о «Норе», то сама тема эмансипации женщины, так называемый «женский вопрос», кажется нам вопиющим анахронизмом. В тот день, когда мы смотрели «Нору», советские летчики на парадном «Косаре» подвезали к Комсомольску.

Почему же эта, казалось бы, устаревшая пьеса смотрится с таким интересом? Потому, что из пьесы, трактуемой моду в свое время проблемой уловности семьи, она стала пьесой о правде, чистоте и прямоте человеческих отношений.

Много ездившая по русской провинции В. Ф. Комиссаржевская часто играла «Нору». После одной из ее гастролей в харьковской газете появилась заметка о том, что под влиянием «Норы» возросло число бракоразводных процессов. Несколько неожиданный, но эффектный результат! В уходе Норы зрители видели протест против комедии брака, против семейного права, против подчиненного положения женщины. В их глазах бедственная-пашка Нора была лишь поборницей женской эмансипации. Если бы значение «Норы» ограничивалось только кругом этих идей, то появление ее на советской сцене ничем нельзя было бы оправдать.

Уход Норы — это не просто поступок, продиктованный отчаянием. Принятое ею решение сразу превращает иррегулярную белочку (как ее звал Гельмер) в зрелого, серьезного человека.

«Ты прежде всего и главным образом мать и жена», — говорит Норе Гельмер. И Нора отвечает: «А я думаю, что я прежде всего и главным образом человек». Вера в свое человеческое достоинство приходит к Норе после того, как она убеждается, что воображаемый ей Гельмер в действительности совсем иной. Самое сложное и привлекательное в пьесе то, что различие между этими двумя Гельмерами очень трудно сразу уловить. Гельмер кажется безучерчивым, его почти нельзя уличить в каком-либо отступлении от общепринятой морали. Он идеальный буржуа. После восьми лет семейной жизни Нора вдруг со всей ясностью видит принципиальную заурядность и посредственность истинного Гельмера. Она испытывает отвращение, ужас и сознает полную невозможность их совместного существования. Слабая Нора у Ибсена не борется с миром Гельмера, уходит куда-то в ночь, в пустоту. Все же она настолько преобразовалась, обретае такую душевную силу, что ей уже в пору начать настоящую борьбу за чистоту и достоинство человека.

Нельзя сказать, что Первым московским рабочим театр, поставивший «Нору» (ре-

жиссер Э. Красныйский), согласен с нашим пониманием пьесы.

На всем спектакле сказывается, быть может, несознательно, влияние мхатовской «Анны Карениной». Во многом это влияние положительное: пьеса стала человечнее, в ней нет теперь вяжущего морализма. Но одновременно она кое в чем утратила свою оригинальность. В катастрофе Нора есть нечто приложимое не к Анне Карениной, но к характере этих двух женщин нет ничего общего. Анна Каренина с самого начала — сложившаяся и цельная личность, женщина, полная большой внутренней силы и интеллектуального обаяния. В жизни Норы, до объяснения с Гельмером, нет никакого содержания. Трагедия Анны способствовала более активному проявлению ее незаурядной личности. Нора же начинает совершенно новое существование.

Чувствуется ли все значение превращения Нору актриса Сперанская? Уже с первых картин мы видим Нору чем-то озабоченной, в ее поведении заметно неуловимое беспокойство, нотка тревоги; счастье ее не такое безоблачное, как хотел изобразить в первом акте Ибсен. Гельмер вынимает бумажник и отсчитывает Норе деньги на предельно стесненные покупки. По ибсеновской ремарке Нора оборачивается и живо говорит: «Денег!» У Сперанской эта живость похожа на жалость, в глазах ее затрагивает алчный огонек, и она с нескрываемой радостью берет кредит. Зритель потом становится понятно, что поступает она так не из корыстных побуждений, эти деньги помогут ей скорее расплатиться долгу. Но дело в том, что в первом акте Нора еще не чувствует всего бремени этого долга. И хотя Нора тайком от мужа занимается по вечерам переливом какашек в бумаж, она делает это весело и непринужденно. Актриса слишком откровенно подготавливает зрителя к переключению Норы.

Понятие подтекста у нас обычно связывается с чеховским театром. Но начало свое оно берет в аналитической драме Ибсена. Играя подтекст, актер расширяет трактовку своей роли. Однако это не значит, что он должен всегда искать и находить контраст внутреннего и внешнего состояния героя. Е. Сперанская ищет в ибсеновском слове его второй смысл, даже когда это совсем не нужно. То, что актриса в сцене тарателлы (где веселый танец превращается в пляску смерти и где Нора огромным напряжением воле старается скрыть душевное волнение), неуместно в идиллии первого акта. Отрицание идеализмического в характере Норы, возможно, и усложняет ее облик, зато сглаживает остроту конфликта. Мы не согласны с такой трактовкой роли, как бы талантливо ни играла актриса Сперанская. Во второй части пьесы мы видим Нору вы-

росшую, возмужавшую. Этой Норе очень трудно играть с таким партнером, как С. Танев. В силу ли заблуждения режиссера или по мысли актера, Гельмер-Танев с самого начала представляется непригляднейшим обывателем. Неопознано, как Нора могла любить такого человека. Хороша в самом деле пастораль, в которой принимает участие мужчина с внешностью фата, с манерами опытного соблазнителя, с деревенским, режущим слух голоском.

Ибсен был прежде всего норвежским писателем. Невозможно себе представить его доктора Штокманна или колдуна Вернива, леш его фру и фрекен англичанки или французики. Это не только своеобразное национальное характера, но и все уклад жизни, формы быта, это Норвегия времен Ибсена, классическая страна мелкой буржуазии. Но верность национальному типу заботила актеров меньше всего. Судя по этому спектаклю, очень трудно решить, кто же, в сущности, это пошлый субъект, именующийся Гельмером. Он похож на кого угодно, но только не на норвежского страпачего.

Один только доктор Ранк (Н. Черкасов) в этом спектакле настоящий ибсеновский герой. У его хорошего грим, своя манера говорить и держаться. Это обреченный, большой человек умеет вывать к себе симпатию; его умный скептицизм ни на минуту не переходит в докучливую реверенцию.

Если бы мы отнеслись к постановке «Норы» как к обычной премьере районного театра, то имели бы все основания признать этот спектакль явлением неадекватным и этим обидели бы актеров и режиссера.

Но мы подошли к спектаклю с теми требованиями, которые мы предъявляем к большому искусству, и отсюда суровость наших оценок.

Итак, устарела ли «Нора»? Нет, утратив свой моралистический характер, она приобрела больше человечности. Она стала пьесой о чистом чувстве, о правде в человеческих отношениях.

Об Ибсене когда-то говорили, что у него есть «явление к идеям», потребность возмущаться на все явления современной жизни с одной, общей точки зрения. Ибсен слишком часто был проповедником, в точности не зная, к чему должны привести проповедческие им идеи. Поэтому в его пьесах много переключений, но мы ценим его беспокойный дух, его стремление к правде. Успех «Норы» показывает, что в нашем репертуаре слишком мало пьес о воспитании чувств современного советского человека.

Литературная газета

№ 58

200 лет назад, 18 октября 1738 г., родился Андрей Тимофеевич Болотов — экономический, исторический и философский писатель...

Он писал стихи, драмы, литературно-критические статьи, медицинские и философские трактаты...

Из всего написанного Болотовым напечатана лишь самая незначительная часть...

Широко известность Болотов получил как автор обширных воспоминаний...

Это один из выдающихся памятников мемуарной литературы. Написанные в форме писем к другу...

Типичный помещик-крепостник, Болотов дает в своих воспоминаниях огромный материал для изучения феодально-крепостнической идеологии.

Полностью записки Болотова впервые были напечатаны в приложении к журналу «Русская старина»...

В 1930 г. записки в сильно сокращенной редакции вышли в издательстве «Молодая гвардия»...

В издательстве «Academia», в трех томах.

По изветным столбцам

Кафедра языка и литературы педагогического института им. С. Кирова в Ленинграде решила провести исследование лексикона и языка лонцов...

Юбилейный Шевченковский комитет союза писателей Грузии готовит к печати сборник, посвященный поэту Украины...

Часто бывают горячие споры. Но следует отметить, что эти споры ведутся не ради споров...

Можно, не боясь преувеличения, сказать, что в подавляющем большинстве случаев споры направлены к борьбе с тем или иным определенным явлением.

На собраниях, как правило, присутствуют квалифицированные писатели. Многие не пропускают ни одного собрания.

На двадцати пяти собраниях новеллистов читали свои произведения и принимали участие в прениях: К. Паустовский, Л. Соболев, Вас. Гроссман, И. Навандор, А. Новиков-Прибой, В. Шкловский, Л. Славин, С. Гехт, В. Арлов, М. Юпит, М. Колосов, С. Вольгарин, В. Голубицкий, М. Левин, Л. Стронин, Ш. Сосланов, Я. Рыцарев, М. Шапская, В. Псызменский, М. Зингер, Е. Боникевич, П. Нидин, Л. Ленч, Л. Лавин, Н. Замощкин, Д. Хват и другие.

Многие читали свои произведения по два, некоторые даже по три раза. Какие возникали проблемы? Был большой спор о «страстном» письме и письме внешне объективном.

Валерий Шкловский писал и будет писать. Советские писатели писали и будут писать. По с последними вражеской деятельности в жизни союза писателей не проведена еще настоящая борьба.

Клуб писателей не стал местом творческих встреч, местом обсуждения книг, пьес и сценариев, местом писателя в полном и высоком смысле этого слова.

А нам думается, что клуб может стать домом писателя. Дело это серьезное, ответственное, большое. И дело это надо начинать по-настоящему.

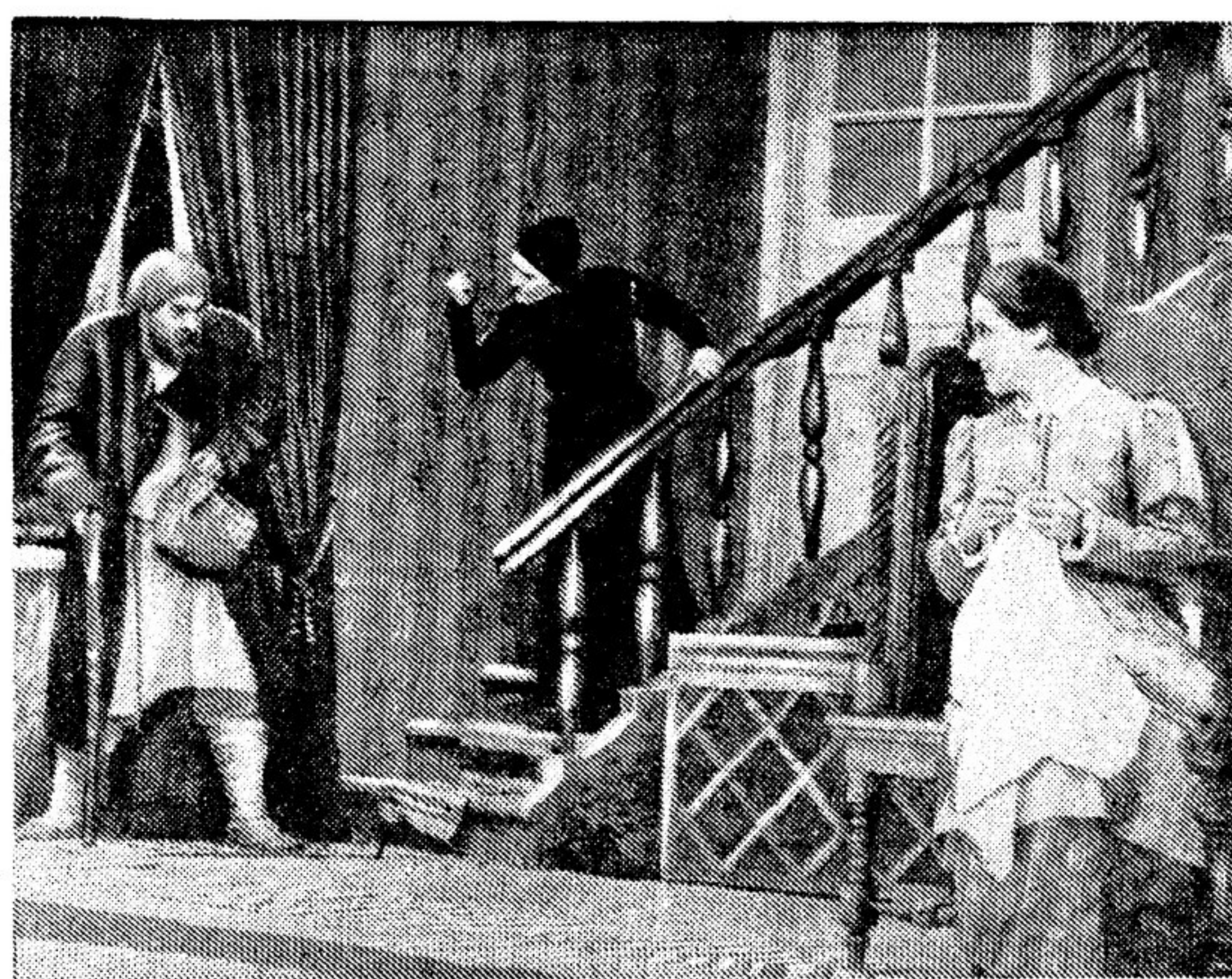
Первое условие для успеха дела очень простое: в Доме писателя имени Маяковского надо больше заниматься работой писателя, т. е. литературой.

В Москве на правлении союза читают стихи, говорят о литературе, спорят. Мы не представляем себе даже, как это выглядело бы в клубе. Да что на правлении... в нашем клубе давным-давно не заходила речь о прямом деле писателя: о литературе.

Разумеется, нельзя сказать, что у нас не собираются всякого рода собрания и заседания. Еще как заседают! Сколько вопросов разбирают: и организационные, и хозяйственные, и прочие. И сколько оных этих «прочих». Но, к сожалению, на литературу, как на таковую, не остается времени. Дом им. Маяковского, как центр культурной общественной и профессиональной жизни ленинградских писателей, просто не существует.

А ведь ленинградские писатели представляют собой довольно серьезный отряд ленинградской интеллигенции.

Какие произведения ленинградских писателей обсуждались в клубе? Почти ничего не обсуждалось. А есть о чем поговорить.

Художественный орден Ленина Академический театр СССР им. А. М. Горького в дни своего 40-летнего юбилея покаяет пьесы А. М. Горького «Горе от ума» и А. М. Горького «Достигав и другие».

НА СНИМКЕ: сцена из второго акта пьесы А. М. Горького «Достигав и другие» в постановке народного артиста СССР орденосца Л. М. Леонидова и режиссера И. М. Раевского. Слева направо: артист В. К. Новиков в роли Пролопета, артистка А. П. Георгиевская в роли Таисии и заслуженная артистка РСФСР В. Н. Попова в роли Глафиры.

На собрании новеллистов

Производственных совещаний новеллистов было 25. Новеллисты собираются регулярно, по седьмым числам, без пропусков.

— Хорошо, — сказал А. С. Новиков-Прибой на одном из последних собраний, — что есть место, куда можно прийти, прочесть рассказ и услышать живую его оценку.

Действительно, это одна из причин успеха совещаний новеллистов. Здесь нет — самого обидного для писателя — предвзятого отношения к нему. Здесь не судят ни о чем понаслышке, по информации из вторых и третьих рук.

Суждения высказываются о литературном произведении, тут же прочитанном. (И мнение, после долгих обычных прений, составляется по долино общественное.)

Атмосфера на совещаниях устанавливалась правдивая, прямая и честная. Техника ведения собраний являлась чрезвычайно проста: на каждом собрании выбирается новый председатель. Новеллу читают и обсуждают.

И все. Часто бывают горячие споры. Но следует отметить, что эти споры ведутся не ради споров. Почти отсутствует частая в литературных спорах тенденция — отыграться острым словечком или меткой фразой.

Можно, не боясь преувеличения, сказать, что в подавляющем большинстве случаев споры направлены к борьбе с тем или иным определенным явлением. Цель смело и остро намечена, и повсюду борьба полноводная.

На собраниях, как правило, присутствуют квалифицированные писатели. Многие не пропускают ни одного собрания.

На двадцати пяти собраниях новеллистов читали свои произведения и принимали участие в прениях: К. Паустовский, Л. Соболев, Вас. Гроссман, И. Навандор, А. Новиков-Прибой, В. Шкловский, Л. Славин, С. Гехт, В. Арлов, М. Юпит, М. Колосов, С. Вольгарин, В. Голубицкий, М. Левин, Л. Стронин, Ш. Сосланов, Я. Рыцарев, М. Шапская, В. Псызменский, М. Зингер, Е. Боникевич, П. Нидин, Л. Ленч, Л. Лавин, Н. Замощкин, Д. Хват и другие.

Многие читали свои произведения по два, некоторые даже по три раза. Какие возникали проблемы? Был большой спор о «страстном» письме и письме внешне объективном.

Валерий Шкловский писал и будет писать. Советские писатели писали и будут писать. По с последними вражеской деятельности в жизни союза писателей не проведена еще настоящая борьба.

Клуб писателей не стал местом творческих встреч, местом обсуждения книг, пьес и сценариев, местом писателя в полном и высоком смысле этого слова.

А нам думается, что клуб может стать домом писателя. Дело это серьезное, ответственное, большое. И дело это надо начинать по-настоящему.

Первое условие для успеха дела очень простое: в Доме писателя имени Маяковского надо больше заниматься работой писателя, т. е. литературой.

В Москве на правлении союза читают стихи, говорят о литературе, спорят. Мы не представляем себе даже, как это выглядело бы в клубе. Да что на правлении... в нашем клубе давным-давно не заходила речь о прямом деле писателя: о литературе.

Разумеется, нельзя сказать, что у нас не собираются всякого рода собрания и заседания. Еще как заседают! Сколько вопросов разбирают: и организационные, и хозяйственные, и прочие. И сколько оных этих «прочих». Но, к сожалению, на литературу, как на таковую, не остается времени. Дом им. Маяковского, как центр культурной общественной и профессиональной жизни ленинградских писателей, просто не существует.

А ведь ленинградские писатели представляют собой довольно серьезный отряд ленинградской интеллигенции.

Какие произведения ленинградских писателей обсуждались в клубе? Почти ничего не обсуждалось. А есть о чем поговорить.

Два вечера спорили об основных чертах современного человека. Поводом послужил рассказ, где действовали изломанные молодые люди и девушки, изображенные в манере декаданса примерно 1905 года.

Он любит, но она не любит. Она любит, но он почему-то внезапно уезжает. Когда он возвращается, — без осязательных причин уезжает она.

На первых собраниях новеллистов такой рассказ еще мог иметь зачитников. Но последние — это было бы невозможно, ибо уровень оценок значительно вырос.

Большой принципиальный интерес представлял разбор рассказа, в котором автор весьма настойчиво пользовался устаревшими средствами «лирического воздействия».

Звездное небо, знаменитые «огоньки», отражающиеся в воде, одинокие тропинки, глаза девушек, обязательно похожие на глаза газели (ах, эта беллетристическая газель!), многочисленные лирические отступления — «и я думаю...», «и мне казалось...»

Вся эта ветвь была зря вымыслена. И тот, кто был на этом собрании, вряд ли будет в своих рассказах пользоваться подобными словесными мусорами.

Приятно, что на совещаниях новеллистов читают свои произведения писатели разного возраста, разного опыта, разного склада. Читают свои вещи и совсем молодые писатели.

Опыт показал, что писатели в подавляющем большинстве положительно реагируют на открытую, резкую, но дружескую критику. Рост числа посетителя собрания наглядно это демонстрирует.

К сожалению, не все писатели выносят эту прямую критику. Иногда возникает сопротивление, часто не лишнее смешных сторон. Например, если новеллу хвалят, то это новелла. Если же ругают, то автор спохватывается и начинает доказывать, что это не новелла, а отрывок из большой вещи, и чтобы судить о нем правильно, надо прочесть всю вещь в целом.

Крепнет умная и боевая советская новелла — оборонная, бытовая, историческая. Новелла, показывающая характер и труд советского человека. Новелла великой эпохи строительства социализма.

Но приходится с грустью отметить, что не все новеллисты работают над созданием подлинно новой новеллы. «Легкой славы корешок» еще прельщает многих писателей.

Гораздо «спокойнее» писать в традиционных формах, никого не «обеспокоив» или протерпевшими путями.

Но и тут надо надеяться, что творческий коллектив, регулярно работающий и внимательно относящийся к каждому своему союзу, энергично и смело поддержит все искренние и честные искания.

Еф. ЗОЗУЛЯ

Маленький фельетон ТРИ ПАРОДИИ

Есть у нас писатели, которые как-то не пишут о молодежи. Не пишут, и хоть бы что! Однако вовсе не трудно себе представить, как бы эти писатели о молодежи написали. Возьмем к примеру хотя бы писателя Шкловского, Виктора Борисовича. Нет сомнений, что он написал бы примерно так:

«Блажен, кто с молоду был молод»

Это сказал Пушкин, Александр Сергеевич. Был еще Василий Львович. Тоже Пушкин. Его дядя. У меня тоже есть дядя. В Киеве. Бузины у меня есть. Я блажен! Это сказал я. Шкловский! Виктор! Борисович. Член союза писателей! Вам сказал. Мне это сказал не я. Сказала одна девушка.

Бывают молодцы по-разному. Чтуют книги. Не чтуют. Мечтают. Дерутся. Я делал все. Книги я не только читал. Я их писал. Что вы читали Шкловского? Ничего? Вот видите! Меня надо читать смолду. Есть и другие писатели. Все великие люди были молодцы. Когда-нибудь, я напишу книгу. Я назову ее «Я». Там будет глава о молодости.

Слово «молодой» наши поэты рифмуют. Обычно с водой. Или с бородой. Скупные рифмы. Есть же журнал «Молодая гвардия». Я там не печатаюсь. Вчера в кино мне сказали: «Подвигись, молодой человек!» Я подвинулся. Это очень смешно.

Еще о проблеме омоложения. Хорошо бы омолодить многих молодых. Писателей. Теперь молодежь другая. А раньше была совсем другая. Я из молодых да последний!

Но лучше поэзию. Чем навсегда. А вот как бы написал о молодежи писатель Юрий Тынянов.

Выпускник

Полень был блестящий, как амуниция. Дважды чихнул, потянулся, сел. Потом было трижды свистнуло.

— Немилосердно! — Сказал и фоланты рукой загорелой сохнул.

— Нет! — Осмотрелся, безобразно кулаком попер и попутал: «Студеуз Горшков похваля достоин. Экзаменты один другого лучше осклени были без подсказателей, шпаргалочников тож. Любятный и прамечательный весьма».

Четырежды свистнул горшковский нос. Чих был могуч, и самому себе сказано было: — Спица в нос! Желаню здравствовать...

Он сидел на саквояже желтой кожи и отколупывал мякоть от плода, арбузом именуемого. Билетов было взято вдесять. Затеянный механизм «ходики» вид имел заморский. Маятник, как по артикулу, часы и минуты отсчитывал. До поезда оставалось немалое время. Студеуз Горшков воздвигнул скокуду, дума пальцами кожуру пощенил и в окошко, не глядя, вынул.

— Отлично учено было. Теперь работать будет протитнейше. Саквояж подхватив, на проспекте вышел и гиривами в кармане потряс. Миллины сержант проезжего шофера распекал люто. В стеклянном, искусными мастерами возмезином павильоне сидел мороженщик. Курнос, раболуп, невяден.

В ближайшие дни выходит первый номер нового литературно-художественного журнала Народного комиссариата Военно-Морского Флота «Краснофлотец».

В первом номере напечатаны: отрывок из романа А. Новикова-Прибоа «Капитан Гранта», рассказ Б. Лаврениа «Обыкновенная история» — о Каспийской военной флотилии, очерк о советских моряках-дальневосточниках Абрамовича-Блаха, стихи А. Прокофьева, Б. Лихарева.

Второй номер «Краснофлотца» посвящается 20-летию ленинско-сталинского комсомола.

Первый номер «Краснофлотца»

Горшков боком привинулся, очередь миновала. Люто красное, рубаха от пота мокрая, глаза выкачаны.

— Эскимо! Сказал и в последний раз экзамент вспомнил. Были там и машины английских мастеров, и хитрые формулы, бинамами именуемые.

Улыбнулся, усмехнулся, встречную девушку кокетно обласкал.

— Едем вместе... В жены возьму. Поехали. Бегу от самого кадров начальника указ вышел мосты строить в поволжских землях.

Сел, саквояж положил, билет отдал. Потом было всхрапнуло! И как всхрапнуто было! Люто!

По есть и другая категория писателей. Есть писатели, которые пишут только о молодежи. К примеру, Валерия Герасимова. Разве не так бы написала она очередной рассказ?

Вечная девушка, или какая жалость

У Гали были мама, папа, а также выше образование. Крайне существенно обстоятельство. Что папа ее был типичным профессором чрезвычайно тонкой и точной науки. Состояний, казалось, из одних бровей, он всячески шевелил ими, думая о чем-то своем, далеко отстоящем от нашей шумной действительности. Необходимо отметить, что их соседка по квартире, стройная, с монетным профилем шагенка, чьи потуготворные, чистейшей воды глаза хитро блескали по ночам, великолепная, крепешникова Афродита Ивановна, шевелила отнюдь не бровями. Нам известно, что галина мама говорила о ней чутьочку брезгливо: «Эта»...

— Вы же сказочка, Галочка, — говорила Афродита, — вы же пылчатка, бутончик! Что ж вы не крутите с этими кобелями! Трусите, деточка?

— Идите вы к чорту, — отвечал Гали.

Но вместе с тем, в глубине в подсоснательных беднях ее тела что-то заставляло ее думать об этом и тянуло к чему-то. В целом рафинированная интеллигентская хитрость Афродиты, прикрывающая самый неприкрытый цинизм, мало нравилась Гале. Еще меньше в получетный период устраивали ее оторванные от жизни брови отпа.

— Папа! — сказала как-то Гали. — Я вступила в комсомол!

Профессор что-то буркнул и шевельнул бровями.

— С вашими данными, Галочка, вы должны выйти замуж. Ну же, крошечка! — шептала в коридоре Афродита. — Можно и без ЗАГСа.

— Не слушай ты их, — сказала Гале молотница Дарья, — чего их, буржуев, слушать! Дуй, девка, до горлы!

И Гали дула, учитывая вышесказанное. — Эй, вы, — сказала она родителям, — как вас там? Что б вы у меня! Чуть я вас! Ну!!!

Профессор вынул брови. — Мы больше не будем, — тихо сказал он. — Эй боту.

А в кухне материлась по-французски вперемежку с латынью и дрезнереческим поверженая в прах Афродита, укушавшая Дарью в щеку. Ввиду этого на другой день Гали пролежала и загладила в вольбой.

Все было так просто. Так здорово. Так близко. Так возможно. И главное — так похоже.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ.

К 20-летию ВЛКСМ

Государственное издательство «Искусство» выпускает к 20-летию ленинского комсомола сборник «Молодые мастера искусства».

В первом разделе — статья-пожелание крупнейших деятелей советского искусства комсомолу и молодежи, работающим в искусстве. Среди авторов этого раздела — народные артисты Союза ССР К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, А. Нежданова, М. Блаumentаль-Тамарина, А. Яблочкина, Е. Корчагина-Александровская, И. Москвин и другие.

Во втором разделе напечатаны статьи о творчестве молодежи в области музыкального и театрального искусства, в области хореографии и цирка, живописи и кино, скульптуры и архитектуры.

Третий раздел состоит из очерков о выдающихся молодых мастерах советского искусства: Гильерсе, Филере, Остротске, Байсеновой, Шостаковиче, Улановой, Хренникове и многих других.

Сборник богато иллюстрирован портретами, репродукциями с произведений живописи и скульптуры, снимками театральных постановок. Тираж издания — 5000 экз.

Государственное издательство кинематографической литературы выпускает сборник «Советская молодежь в кино». В сборнике — статьи, анализирующие работу молодых режиссеров, актеров и операторов.

Сборник хорошо иллюстрирован. Тираж его — 5000 экз.

Книги для молодежи Комсомольска и Игарки

ЛЕНИНГРАД (От наш. корр.). По инициативе комсомольцев Ленгослитиздата, комсомольские организации ленинградских отделений издательства «Художественная литература» и Детиздата отправляют книжные посылки молодежи Комсомольска и Игарки. Около 50 названий книг выследи Ленгослитиздат, столько же книг высылают Детиздат.

Находящийся в Ленинграде зам. начальника Главлитупрлута Герой Советского Союза И. Д. Папанов обещал помочь отправить книги в Игарку на самолетах.

Два комсомольских вечера

Комсомольская организация союза советских писателей СССР совместно с комитетом ВЛКСМ Московского государственного университета и Государственного политехнического музея устраивает для комсомольского актива и московского студенчества два торжественных литературных вечера, посвященных 20-летию ВЛКСМ.

Лучшие московские писатели и поэты выступают на вечерах с чтением своих стихов. Эти вечера будут творческим рапортом молодых писателей и поэтов-комсомольцев.

Выступлением писателей и поэтов будет предшествовать вступительное слово А. Тарасенкова о молодой советской поэзии. В Политехническом музее вечер состоится 22 октября, в МГУ — 23 октября.

Издательство Детской литературы ЦК ВЛКСМ с присорбием извещает о смерти любимого детского писателя Бориса Степановича ЖИТКОВА

Бюро секции детской литературы союза советских писателей СССР с глубокой скорбью извещает о смерти талантливого писателя Бориса Степановича ЖИТКОВА, последовавшей после тяжелой болезни 19 октября с. г. О дне похорон справляться по телефону: Д-3-30-73 и К1-68-37.

БЮРО СЕКЦИИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ССР.

Ю. GERMAN ХОЛОДНЫЙ ДОМ

Недавно вечером автору этих строк довелось зайти в ленинградский Дом писателя им. Маяковского. Несмотря на ранний час — все было тихо в нашем клубе, лишь шаг гулко гремел в пустом коридоре. Старушка-уборщица, дремавшая на своем стуле, испуганно спросила:

— Вам кого? — Да так, просто в клуб, — робко сказал я.

— Пожалуйте, пожалуйте, — сказала уборщица, — клуб открыт.

Хотя в словах уборщицы мне послышалась скрытая ирония, я все-таки пошел дальше. В пустом слабо освещенном ресторане дремал официант. Гостинице, обставленные замечательной мебелью, была пуста и холодна. В огромные стекла окон барабанил унылый осенний дождь. Я погулял по пустому зрительному залу, олеся и ушел домой.

Прошло несколько суток, я получил газету и прочитал, что в тот самый вечер, когда я бродил по унылому нашему клубу, в Москве в клубе играла музыка, было ярко освещено, весело, интересно...

И неприятное чувство зависти к москвичам зашевелилось во мне. Мне думалось: у нас великолепный, большой, отличный обстановкой дом. На содержание дома тратятся большие деньги. Государство дало писателям Ленинграда поистине японцев. Так почему же у нас так скучно? Кто здесь виноват? Директор? правление дома? правление союза?

Враги народа окопавшиеся в литературе, изрядно потрудившись над разоблачением писателей. Врагители, орудовавшие в ле-

нинградском отделении союза советских писателей, всеми силами старались препятствовать естественному желанию писателей собираться в своем клубе, обсуждать книги, пьесы, сценарии. Провокационной системой «справок», шельмованием, административными окриками вредители пытались сорвать творческую работу писателей Ленинграда.

Конечно, это не удалось. Советские писатели писали и будут писать.

По с последними вражеской деятельности в жизни союза писателей не проведена еще настоящая борьба.

Клуб писателей не стал местом творческих встреч, местом обсуждения книг, пьес и сценариев, местом писателя в полном и высоком смысле этого слова.

А нам думается, что клуб может стать домом писателя. Дело это серьезное, ответственное, большое. И дело это надо начинать по-настоящему.

Первое условие для успеха дела очень простое: в Доме писателя имени Маяковского надо больше заниматься работой писателя, т. е. литературой.

В Москве на правлении союза читают стихи, говорят о литературе, спорят. Мы не представляем себе даже, как это выглядело бы в клубе. Да что на правлении... в нашем клубе давным-давно не заходила речь о прямом деле писателя: о литературе.

Разумеется, нельзя сказать, что у нас не собираются всякого рода собрания и заседания. Еще как заседают! Сколько вопросов разбирают: и организационные, и хозяйственные, и прочие. И сколько оных этих «прочих». Но, к сожалению, на литературу, как на таковую, не остается времени. Дом им. Маяковского, как центр культурной общественной и профессиональной жизни ленинградских писателей, просто не существует.

А ведь ленинградские писатели представляют собой довольно серьезный отряд ленинградской интеллигенции.

Какие произведения ленинградских писателей обсуждались в клубе? Почти ничего не обсуждалось. А есть о чем поговорить.

Писатели много работают, много пишут. П. Чуковский написал новый роман, этот роман уже печатается в журнале. К. Козак написал пьесу. Пьеса сейчас репетируется во многих театрах, ее хвалят, в пьесе рассказано о чехистах, о Ленинском, на нас ничего толком не знаем об этой пьесе. Много стихов и прозы написал Виссарион Саянов, — кто знает об этом? А Саянов мог бы не только прочесть стихи и прозу! Саянов мог бы много рассказать. Пишет М. Слонимский, Б. Лаврентев, А. Прокофьев, В. Каверин, пишут драматурги, сценаристы, детские писатели...

Что, например, мы знаем о детских писателях, о том, как они работают, что пишут, над чем думают?

Разве не интересно было бы устроить творческий вечер Биалки? Чарушина? Разве не интересно было бы послушать такого отличного детского писателя, как Л. Пантелеев?

Л. Рахманов — автор шревоходной пьесы «Воскогонная старость» — пишет, верно, копейка, а может быть уже кончил, новую пьесу. Что мы знаем об этой пьесе? Столько же, сколько драмсекия, то есть ровно ничего. Мы знаем, что Л. Рахманов «работает над пьесой».

Б. Л. Лаврентев тоже «работает над пьесой».

Е. Л. Швац тоже «работает над пьесой».

А М. Л. Слонимский «работает над рассказами».

Все, как говорится, работают. А Дом писателя им. Маяковского стоит в стороне. Пустуют великолепные обстановленные гостиницы — такие уютные, светлые, уютные, так приспособленные для творческих вечеров, для спокойных разговоров, для споров, для обсуждений.

Пипущий эти строки так и видит перед собой ироническое лицо кого-либо из деятелей, конустим, драмсекия.

Иронический зентель говорит: — Знаем мы вас, уштейл! На пауте! Союзамем, пчтлалем, — все равно никто не ходит...

Автор этих строк недавно получил письмо на бумаге цвета мореного дуба. Тридцатый экземпляр письма был отпеча-

тан так бледно и непонятно, что разобрать его оказалось невозможно...

И только последние строки более или менее внятно гласили, что дни и часы обсуждений наметены ориентировочно и что дополнительные извещения будут присланы особо.

Дополнительных извещений никаких, конечно, пока что не последовало... А обсуждение (оказалось, что письмо на бумаге цвета мореного дуба пригласило прибыть на обсуждение), обсуждение, как легко догадаться, прошло без особого блеска. По поводу же агалячного письма деятель сказал следующее:

— Чорт ее знает, эту копиру!

И добавил: — Надо новую купить!

Проблема обсуждения нескольких пьес, оказывается, уперлась в низкое качество копии.

С чем, как говорится, и поздравляем руководство драмсекия.

Нам же кажется, что дело тут сложнее. Несомненно, копировка играет некоторую роль, но лишь символическую — пло